

Александр Редькин

СОЛНЕЧНЫЙ ПЕСОК

Рассказы

Александр Редькин

Солнечный песок

«Издательские решения»

Редькин А.

Солнечный песок / А. Редькин — «Издательские решения»,

У каждого много звёзд, но только одно Солнце, освещающее ему путь из Пустыни. Разобраться в собственном Солнце — одна из главных дорог бытия, которая определяет границы развития и познания. Вне этих границ находится тень. Подобно тому, как каждая песчинка в пустыне получает свою долю тепла, так и главные герои рассказов связаны со своими солнцами энергетически и духовно. Отношение к себе, другим и Миру определяет им маршрут по Пустыне, а Солнце будет долго согревать их на пути в бесконечность.

© Редькин А.

© Издательские решения

Содержание

Остаться в Пустыне	6
Погружение в пыль	6
Кости	11
Библиотека	16
Храм Паука	21
Сакральная формула	26
Разговор с ТА	30
Химеры болот	34
1	34
2	40
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Солнечный песок
Рассказы
Александр Редькин

© Александр Редькин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Остаться в Пустыне

Погружение в пыль

Камни и песок. Вот уже в пятом подвале ручные янасы – паучьи мышцы тонули в толстом слое пыли и никак не могли найти путь в коллектор. Более того, их крылья облепляла паутина самого прочного пустынного типа, а это означало, что Зиндрику постоянно приходилось вытаскивать нож и срезать её. Между тем солнце уже всходило из-за дюн, резко разогрело воздух и небольшой группе зимбров срочно требовалось найти укрытие. В очередной раз, запустив янасов, исследователь быстро подбежал к следующему полуразрушенному дому и, проломив стальным когтем ботинка глиняную стенку, начал расширять проём. Старая глиняная кладка, выполненная из плотно пригнанных друг к другу зёрен, быстро крошилась под мощными ударами цепного топора. Хорошо, что Имбрг не пожалел концентрированного солезола и взял достаточно оборудования. Без мощного цепотопора было бы очень трудно вгрызаться в, застывшую в песках, Вечность. Зиндрик не жалел влаги организма и ему, работая на износ, удалось расширить дыру за двадцать декамигов. Увеличив проём, он залез внутрь дома и достал из жилета рацию:

– Сигнал-сигнал! Имбрг, треугольник 36—90, минус 1. Затаскивай кронга!

Из забитой песком рации, послышался неотчётливый хрип второго исследователя. Зиндрик повторил сообщение и посмотрел на хронометр. До зенита солнца оставалось всего триста мгновений, а Имбрг вместе с кронгом явно находился вне пределов его зрения. Сообразив, что ситуация критическая, исследователь сбросил цепотопор и защитный инструментальный жилет со шлемом в угол тёмной запыленной комнаты и выскочил наружу. Где-то слева, за обследованными янасами домами, начиналось дикое овощное поле, и Зиндрик знал, что кронг должен придти оттуда. Он со всей скоростью бросился к полю и, добежав до крайнего дома, разрушил ногами старые муравейники, и, наконец, услышал в динамике хриплый и далёкий голос напарника:

– Сигнал-сигнал! Направление? Солнце?

– Треугольник 36—90. На Океан! Зенит! – заорал в рацию Зиндрик, стоя по колено в мягком и рыхлом песке.

– Вижу тебя! Несколько мигов пути!

– Имбрг, у тебя не осталось времени! Бросай кронга!

Зиндрик засунул рацию за пояс и опять глянул на хронометр – на четыре градуса выше нормы, и, учитывая рыхлое поле, его напарник элементарно может не успеть. Становилось всё жарче, солнце все поднималось, а миги быстро таяли. Исследователь принял решение спасти Имбрга любой ценой и бросился бежать по рыхлому песочному полю. Иногда ноги попадали на докку – редкие оранжевые овощи и тогда, Зиндрик увязал в почве ещё больше. Клейкий оранжевый сок их стекал по ботинкам и собирал песок комьями. Ещё некоторое расстояние и вот он Имбрг поднимается из-за очередной каменистой дюны. Как и следовало ожидать, бросать кронга он до последнего мига не собирался, а тащил его на верёвке вслед за собой. На спине у пятнистого животного была закреплена провизия, оборудование и кое-какой инструмент. Высокий и сильный Имбрг уже успел надеть шлем, но даже через забрало, приближающийся Зиндрик читал в его глазах страх.

– Зенит!! Бросай эту тварь, и бежим!

– Ещё миг, – крикнул Имбрг и начал срезать с кронга ремни груза.

– Нет мигов! Мы не успеем! Бросай! – во всю силу заорал исследователь и повернул назад.

Тем не менее, упорный Имбрг всё-таки полоснул ножом по ремню рюкзака с продуктами, поднял его, и откинул в сторону, державшую кронга верёвку. Бросился бежать. На ходу он раскрыл рюкзак, достал оттуда термос и бросил его Зиндрику. Зимбр поймал его и теперь уже они вместе, со всей силы напрягая мускулы, бежали в укрытие к заброшенному дому с проломленной стеной. До полного зенита оставалось крайне мало времени, и уже становилось нестерпимо жарко. Обычно все зимбры переживали утренний жар, спрятавшись куда-нибудь поглубже, но сейчас ситуация была критическая – до дыры в стене ещё требовалось добраться. Зимбры-исследователи уже поняли, что кронга, а также часть груза они потеряли, но сейчас речь шла только о спасении собственных жизней. Пекло накрывало бегущих огромной волной раскалённого воздуха, начинали плавиться некоторые части одежды. Имбрг споткнулся и упал, когда они добежали до конца овощного поля. Солнце разогрело оранжевый сок, раздавленных Зиндриком докку, до состояния полного окаменения и вот на одном таком булыжнике и растянулся зимбр. Где-то совсем рядом пробежал спасающийся кронг. Тяжёлый рюкзак упал на песок, но Зиндрик моментальное его поднял, а свободной рукой подхватил напарника и потащил к дому. Но, как оказалось, очень поздно. Солнце поднялось в зенит и теперь выжигало всё вокруг. До пролома в стене оставалось несколько шагов, но тяжёлый груз сковывал бег. Имбрг кричал от боли – его одежда уже начала прикипать к телу, а открытые участки кожи просто лопались. Огненный воздух оставлял ожоги и на лице Зиндрика, опрометчиво забросившего свой шлем в комнате, и он, оторвав клапан термоса, вылил всю воду себе на голову. Эффекта от холодной воды хватило только на то, чтобы опять перехватить Имбрга другой рукой и одеть рюкзак. Имбрг, раненный от падения на камень, всё время кричал:

– Спасайся сам, я сломал колено! Зачем я оставил корабль! Зиндрик, кидай меня здесь!

– Нет! Ещё несколько шагов!

– Кидай меня! Двоём сдохнем!

– Нет, держись! Во имя ТА!

Зиндрик натянул рюкзак со спины на голову и, последним усилием забросил тело Имбрга внутрь пролома, запрыгнул в него сам. Температура в запыленной комнате, как и предполагалось, была немного ниже. Затем быстро пошарил рукой по полу, нашёл кольцо и потянул вверх крышку погреба. Крышка не открывалась, тогда разъярённый исследователь резко изо всех сил рванул её на себя. Удача!

– Хорошо, прыгай вниз, я дальше сам.

– Давай!

Имбрг залез в погреб, за ним следом запрыгнул Зиндрик и прижал крышку изнутри. Зимбры молча лежали на дне погреба и шумно дышали. Из-за ошибки в расчёте пути их корабль оказался достаточно далеко от города ТА, и теперь это почти наверняка означало гибель. Внезапно до обожжённых ушей исследователей донёсся далёкий звук взрыва. Зиндрик в темноте повернул голову в сторону напарника и грустно сказал:

– Имбрг, корабля больше нет.

– Я слышал. Жалко большой канистры солезла. С ним можно было ещё продержаться.

– На чём, Имбрг? На овощах докку? Мрачная шутка.

– Я знаю, Зиндрик, что в них почти нет питательных элементов и их нужно съесть около тонны.

– Прекрати, – зашипел обожжённый Зиндрик, и сжал в темноте кулаки. – Я не хочу умирать!

Имбрг ничего не отметил, а только застонал. Сломанное колено давало о себе знать и, кроме того, он получил сильные ожоги. Кровь в этих местах частично свернулась, и он перестал чувствовать свои конечности. Становилось очень больно и, очевидно, требовалась пересадка кожи, но до ближайшего города Зимму около миллиона шагов. Имбрг не выдержал и заскулил от двойной боли – он получил серьёзные увечья и понимал, что долго не протянет.

– Мы давно копаем, Имбрг, но я забыл твой возраст, – опять начал разговор Зиндрик.

Сам он пострадал не очень сильно, и всё благодаря молодости и гидropодкладке, которую сам Имбрг одевать не захотел. Самые сильные ожоги получило лишь его лицо, которое теперь нуждалось в небольшой операции.

– Два гигамига, Зиндрик, – ответил напарник, сквозь стиснутые от боли зубы. – Это важно?

– Я думаю, как справедливо разделить антиожоговый. У меня, кажется, обгорело лицо.

– Оставь его весь для себя. Мне уже не поможет.

– Имбрг, у меня в жилете целых десять пластинок.

– А где твой жилет?

– О, ТА! Я забыл его снаружи! – скрипнул Зиндрик из темноты, – он остался в комнате наверху!

– ТА оставил нас, – тихо сказал Имбрг.

Зиндрик заёрзал в темноте: потрогал обугленные ботинки, шарил по карманам одежды, залез в рюкзак и всё там прощупал. За поясом он нашёл рацию, нож и флягу. Нажав центральную кнопку хронометра, прочитал вспыхнувшие цифры и ответил стонущему напарнику:

– Нет, Имбрг, всё-таки я верю ТА. Надеюсь, что пластинки сварились не все. Хочешь воды?

– Ещё бы! Нам повезло несколько больше, чем кронгу.

В темноте тяжело раненный зимбр потряс флягу, почмокал языком, но воду пить не стал. Воды осталось полфляги и, хотя пить очень хотелось, Имбрг решил оставить её молодому напарнику. Он понимал, что Зиндрик предложил ему воду исключительно из благородства и осознавал, что водой тут дело уже не поправишь – требовалась немедленная хирургия.

– У нас осталось три банки еды, – заметил Зиндрик.

– А тебе приходилось пробовать жареного кронга?

– Я буду пробиваться в Зимму, – с горечью ответил молодой исследователь.

Сквозь темноту, царившую в погребке заброшенного дома, Имбрг чувствовал тупую боль от сломанного колена, а во рту стоял липкий вкус приближающейся смерти. Этого зенита он уже не переживёт. Он тоже глянул на хронограф – до конца утреннего огня Солнца оставалось четыре киломига. Можно использовать навык остановки мозга и не мучаться от боли, но это было против его правил. Такой навык использовался зимбрами крайне редко и порицался, как проявление слабости и женственности. Ну, а уж исследователю дальних пустынь такой поступок явно был не лицу и Имбрг предпочёл терпеть боль до конца.

– Послушай, Зимбрик, ты ещё молодой. Спасибо тебе за то, что вытащил меня из печки, но ты должен понимать, что ситуация страшная. Я умру – да, не перебивай. Я уже чувствую, что обуглились ткани. Слушай, я даже ещё не снял шлем – он прикипел к коже головы и вырезать я его не буду. И куртка тоже. По симптомам начинается ожоговое заражение, а у нас даже нет обезболивающего – всё взорвалось вместе с кораблём. Не помнишь, где лежал расщепитель органики?

– Его тащил кронг.

– Хорошо, значит, продержишься ещё несколько зенитов. Найдёшь кронга – снимешь с него расщепитель. Янасы живы?

– До зенита оставалось два янасы из трёх, но у одного кто-то откусил все лапы – он только летает, – ответил Зиндрик.

– Пустынные пауки?

– Очевидно, что они. Их здесь много живёт.

Немного помолчали. Имбрг уже не чувствовал шеи – она не поворачивалась, на неё давил пылезащитный шлем. Температура внутри погреба повысилась, и становилось душно – помещение было маленьким. Лёжа в темноте на боку, старый исследователь залез в карман ботинка

и, вытащив оттуда фонарь, щёлкнул рычажком. Тонкий белый луч света пробежал по углам маленького подвала, поднялся по стене, заглянул на потолок и, резко упав вниз, остановился на молодом, но обожжённом лице Зиндрика.

– А ты почти не обгорел. Пойдёшь обратно к Зимму? – спросил полуживой Имбрг.

– Я так понимаю, что мне надо уходить сейчас. Сразу после зенита.

– Ерунда! Оставайся тут и копай! Мы что зря пробивались через дюны?! Сожгли пять канистр дефицитного солезола?! Скоро тут должен пролететь караван с красной рудой – он заберёт тебя на борг.

В черноте погребца Зиндрик слушал хрип Имбрга с надеждой, но шестым органом понимал, что всё это только уговоры. Никакого каравана, конечно, не будет, и их предприятие пахнет смертью. Из-за ошибки они потеряли слишком много, прежде всего, путь назад и теперь приходилось лишь выбирать между несколькими видами смерти.

– Имбрг, когда здесь пройдёт караван мои кости уже успеют побелеть.

– Нет! Я уверен, что здесь, в этой части Пустыни, прямо над городом ТА, должен лететь караван. Если бы ты тоже смотрел навигационные карты Красно-Океанского рудника, то заметил бы, что здесь проходит грузовой транспортный коридор. Правда, коридор резервный, но это хоть какой-то шанс на спасение!

– Не обманывай меня! Чтобы меня заметили с воздуха должно произойти, по меньшей мере, чудо. Или мне выложить на песке знак? Только из чего?

– Из докку! Выкопаешь несколько тысяч докку, пустишь им сок и выложишь на поле первую огненную букву! Зиндрик, пойми: мы – исследователи! Ты должен, как это говорили в старину, «оседлать рога хищного ашкронга»!

– Имбрг, успокойся! Ты не зря копал этот проклятый песок. Помнишь, мы нашли развалины Экзолана? Тогда ты правильно выбрал направление поиска и из шести сторон Мира выбрал верное – на Спутник.

– Но сначала мы шли в сторону Океана! – возразил старый зимбр.

– Правильно, и именно там, у колодца надо было повернуть на Спутник!

– Верно, Зиндрик! Но тот случай как раз и убеждает в необходимости идти до конца. Ты должен продолжать копать! Даже если не пролетит проклятый караван. Построй огненную букву и копай!

– Никогда не хотел медленно умереть в пустыне.

– Этого никто не хочет, – заметил Имбрг, – но иногда приходит такой час, когда это нужно сделать именно медленно, но, конечно, не впустую. Вспомни цель нашего поиска. Это веский мотив!

– Мы должны пробиться через Пустыню и, достигнув древнего города, произвести в нём поиск мудрости. При этом постараться добыть артефакты.

– Правильно, – голос старого исследователя хрипел в темноте погребца. – Вот и действуй. Мы ведь уже на окраине города! Дальше будет толстая стена, пойдёшь вдоль неё ещё немного и упрёшься в Ворота Зимму, а за ними будет сам древний город ТА, в центре которого должны находиться публичные здания, дворец и прочее.

– Смогу я найти там мудрость? Насколько достоверна архивная карта?

– Только в самых общих чертах. Город – большой прямоугольник высокой стены имеет пять ворот по древним сторонам Мира. В центре его храмовый комплекс, астробиблиотека, академия искусств и другие объекты. Имеются сведения, что кроме нас в этом городе уже побывали зимбры.

– Становится интересно. Цель уже действительно близка. Как себя чувствуешь, Имбрг?

– Очень плохо. Сгораю заживо, – скрипел в темноте старый исследователь.

– Чем я могу помочь? – грустно спросил молодой зимбр.

– Выживи сам.

Зиндрик замолчал и задумался. Даже если бы их корабль не взорвался, то всё равно, ввиду ограничения по топливу, они не смогли бы долететь до ближайшего поселения Зимму – слишком далеко. Понятно, что Имбрга уже не спасти. Из медикаментов имелся только препарат по восстановлению небольших участков кожи, да и то, пластинки с ним лежали в кармане инструментального жилета и почти наверняка сварились. «Нужно решить, что делать дальше, – занимал Зиндрика главный вопрос. – Шансы на выживание ничтожны, но сначала надо использовать их». Уже половину зенита они провели в погребе старого дома. А вот, если бы они не ошиблись в пути, то успели бы построить над кораблём защитный купол, и спокойно проспать зенит, но вышло всё не так. Закрыв глаза Зиндрик, по-прежнему видел темноту: погреб с плотной крышкой являлся традиционным способом защиты от утренних зенитов и свет совершенно не проникал туда. Молодой исследователь также думал о том, что он должен найти кронга, собрать с него уцелевшее оборудование и получить воду из докку. Идти пешком по дюнам означало скорую смерть – еды всего три банки, а воды он смог бы взять с собой не более одной канистры. Пятьдесят тысяч шагов до следующего зенита и всё. Логичнее было оставаться, выкорчевать дикие докку под ноль, нацедить из них воды и, ждать караван, который, впрочем, может вообще не пролететь над этим местом. А также, параллельно с этими занятиями, необходимо искать в древнем городе носители мудрости и духовной культуры. В этом случае Зиндрик мог прожить ещё около двух мегамигов или же двадцать пять зенитов, но потом снова маячил выбор: умереть легко или медленно.

Имбрг ещё немного корчился от боли, стонал, и затем затих. А потом закончился зенит.

Кости

Хоронить Имбрга пришлось прямо в антипесочном шлеме. Зиндрик вынимал руками горячий сухой песок и откидывал его в сторону. Когда почерневшее от ожогов тело напарника было предано Пустыне, зимбр посмотрел вокруг и, найдя рядом глиняный зернистый столбик, установил его в изголовье, а сверху положил на него хронометр Имбрга. Солнце прошло свою обычную зенитную и смертельную фазу и теперь грело и светило достаточно терпимо. На щёку Зиндрик наклеил единственную уцелевшую пластинку, а в один из карманов жилета положил оставшиеся от напарника вещи: фонарик, аккумулятор к радию, зажигалку и нож с кривым лезвием. За время совместных исследований, окружающих Зимму пустынь, они достаточно крепко сдружились. Зиндрик ещё не знал, как сообщит о его смерти, но для этого ему самому требовалось выжить и выбраться отсюда.

Со стороны Океана дул сильный и пыльный ветер. Погода опять портилась и на смену зениту мгновенно могла прийти пылевая буря. Необходимость найти кронга диктовалась ещё и тем, что его мясо можно было употреблять в пищу. Это немаловажное обстоятельство, а также вероятность бури, вынудили молодого Зиндрика, расстроенного смертью напарника, срочно искать в окрестностях это выносливое копытное животных, которое помогало зимбрам в поисках. Где-то на первых домах, сразу за овощным полем, могла находиться туша, и Зиндрик направился туда, попутно насвистывая «сигнал-сигнал», чтобы привлечь к себе летучих янасов, конечно, если они успели спрятаться.

Между невысокими одноэтажными домами, один из которых послужил зимбрам убежищем, проходила дорожка из брусков спрессованной глины. Видимо, раньше здесь была дорога, хотя она и оказалась сейчас сильно занесена мелким песком. Исследователи попали к домам, расположенным сбоку, но дорога эта, со слов Имбрга, вела к Вратам Зимму, а через них в центр города. Подходя к первому дому, Зиндрик услышал в воздухе лёгкий свист и тут же один из янасов сел ему на плечо. Он повизгивал, бегал на своих шести лапках по плечу исследователя и пытался спрятаться под жилетом. Зимбр отклеил от янаса полоску паутины и дал ему кусочек сухаря. Голодный янас моментально разгрыз сухарик и, затрепетав опять своими перепончатыми крыльями, полетел искать воду и путь в систему коллекторов. Изначально зимбры думали, что город будет засыпан песком, и рассчитывали попасть внутрь храмового комплекса через старую городскую канализацию – в Академии Поиска они успели перед экспедицией изучить архивную информацию о подземных коммуникациях погибшей древней цивилизации. И выводок янасов, замечательно чувствующий воду, был необходим именно для проникновения в систему коллекторов, разветвлённую структуру которой имел город ТА.

«До следующего зенита должно хватить времени на поиск астробиблиотеки», – думал Зиндрик и шагал по брусчатой дороге в сторону ворот. Невдалеке высились развалины зубчатой стены, пыльный ветер подул ещё сильнее и начал сдувать с дороги мелкий песок. Если он не поторопится, тушу кронга может навсегда занести песком, а вместе с ней и надежду прожить ещё некоторое время и оставить после себя данные об экспедиции. Согласно неписанной традиции, существовавшей в Академии Поиска, каждый зимбр-исследователь должен оставить после своей смерти какое-нибудь культурное наследие, ценную информацию или на крайний случай, найденный им полезный артефакт. Земля Зимму, которая крутилась вокруг, огненного по утрам, и тёплого вечером Солнца, нуждалась в такой информации ввиду своей обширности и слабой изученности. Ведь, что представляло собой государство зимбров? Кусочек огромной суши, ограниченной солёным Океаном, и зажатой в виде системы оазисов между обширными пустынями. На десятки миллионов шагов от жилья зимбров налево и направо тянулся песок, но Академия Поиска столицы Зимму располагала точными сведениями о древних народах, которые в разное историческое время покидали Оазис и глубоко проникали в Большую

Пустыню, создавали там империи, воевали, открывали новые знания. Очень долго шествуя по направлениям на Спутник, на Солнце или на Песок они находили там свои ценности и умирали за них. Вокруг Оазиса были разбросаны кости зимбров пополам с костями кронгов и их огромных рогатых противников – ашкронгов.

Три гигамига назад свободные исследователи Зимму открыли Остров и в систему географических координат внедрили новую, шестую по счёту, сторону Мира – Остров. Конечно, зимбры и раньше знали, что в противоположном от Солнца направлении раскинулся солёный Океан, но даже он находился так далеко, что на пути к нему требовалось создавать станции подскока, где летательные корабли могли бы заправиться солезолом и лететь дальше. Всего полтора гигамига назад к Острову, оказавшегося на самом деле небольшим, зимбры проложили два транспортных коридора, так как геологоразведка Академии Поиска нашла там залежи красной руды.

Существование города ТА, а ранее города Паука, историки Зимму предполагали ещё прошлой эпохой, но только сейчас, когда руды стало много, и закончилась апробация технологии сжигания солезолом, к нему была направлена малая экспедиционная группа в составе двух зимбров и подручных животных. Изначально предполагалось, что корабль пилотной группы достигнет самой дальней станции в направлении Острова и, заправившись там горючим, повернёт на Песок, а затем пройдёт над пустыней ещё около миллиона шагов. Но историки ошиблись – фактически город оказался дальше, и когда корабль Имбрга и Зиндрика достиг города, у них осталась только одна канистра солезолом, которой, конечно, не хватило бы на обратную дорогу до транспортного коридора.

Ветер дул исключительно угрожающе, но в песчаную бурю пока не превращался. Это давало Зиндрику шанс обыскать окрестности. В условиях плохой видимости исследователю удалось разглядеть один из пяти главных входов в город – Врата Зимму, как они условно назывались, и он направился туда. Проходя мимо сугробов песка, которые замели спутниковую сторону одного из старинных домов, Зиндрик неожиданно услышал звук колокольчика и улыбнулся. Покойный Имбрг ещё прошлой вылазкой в Пустыню закрепил на широких ушах кронга по маленькому колокольчику. Зиндрик свернул в сторону звона и быстро обнаружил мёртвого кронга – его почти занесло прибывающим песком, только широкие пятнистые уши торчали наружу. Конечно, поедание кронга считалось в Зимму дикостью, но в данных условиях разумовольной нагрузки не несло и Зиндрик, достав свой длинный зубчатый нож, принялся отпиливать ноги от туши кронга. Три банки консервов – это три зенита, а дальше, спасибо Солнцу, можно питаться поджаренным мясом кронга. Светило, поймав несчастное животное, своими раскалёнными лучами, не дало ему забежать внутрь полуразрушенного древнего дома, но сейчас это даже играло Зиндрику на руку, так как не было необходимости убивать животное самому. «Кроме того, – рассуждал молодой исследователь, – в древние времена, все зимбры в случае неурожая питались мясом кронгов. И кочевники перегоняли стада из селения в селение, обменивая вяленое мясо на зерно и металл. Этот опыт выживания древних будет хорош и для меня». Отрезав две задние ноги, Зиндрик связал их вместе, снял с туши расщепитель органики – с его помощью он предполагал переработать оранжевые докку на газ и воду. Прибор был небольшой и, имея встроенный элемент питания, мог работать автономно без подключения к энерготочке. Также среди груза он ещё нашёл механическую лопату, запасную цепь для топора, одежду и разные мелочи. Всё это вместе с ногами он затащил в погреб дома, в котором не успел укрыться от ожогов кронг. Мясо животного он посыпал порошком консерванта, завернул и упаковал, из одежды сменил гидropодкладку и обгорелые части жилета, поправил о камень шипы ботинок. Если не считать копыта кронга, то ориентировочно двадцати зэ мяса ему должно хватить на время основного исследования города и для записи результатов. Из оборудования он имел: цепотопор, расщепитель, пустую канистру, фонари и рации. Зин-

дрик решил не тащить всё это на исследование, а пока нацедить воды, и, уже потом, наполнив термос и фляги, начинать вылазки в заброшенный город.

Работа по выкорчёвыванию докку из глубокого и сухого песка оказалась весьма трудоёмкой. Докку имели длинный и глубокий ветвистый корень, с помощью которого этот единственный, живущий в Пустыне, корнеплод получал воду из грунта. Зиндрик выкопал их около сотни и очень устал. Воды получилось на четверть канистры, что, конечно, недостаточно для планируемых растрат энергии организма. Весь получившийся жмых, зимбр смешал с глиной и налепил из образовавшейся массы несколько оранжевых кирпичей, которыми аккуратно начал выкладывать на поле первую огненную букву – специальный символ для обнаружения его с воздуха теоретическим воздушным караваном. В цивилизации Зимму данный символ означал: «Я – один!», крик умирающего в пустыне. После окончания работ, исследователь съел одну консерву и запил её водой из фляги, подогретой на зажигалке.

Впереди лежал в своих рассыпчатых развалинах древний город. Изначально он назывался городом Паука, так как в нём правила секта жрецов Песчаного Паука, но после появления новой монотеистической религии и восстания вассальных кочевников, город изменил своё название. Прежде всего, из истории Зиндрика интересовало, почему погиб город и как это случилось. С целью предикции катастроф и превентивной безопасности Зимму, необходимо было параллельно с основной целью – непосредственным поиском мудрости, выяснить, что же конкретно произошло с самим городом. Такая задача ставилась ещё на этапе приёма на службу в Академию Поиска. Если исследователь не был готов работать со временем: анализировать прошлое, организовывать настоящее и планировать будущее, то его потенциальная работа имела мало смысла. В противном случае любой зимбр мог взять корабль и, просто путешествуя над Глобальной Пустыней, гордо именоваться исследователем Песка и получать при распределении повышенный объём благ и услуг в дополнение к основным демографическим.

Хронограф показывал, что до вечерних сумерек оставалось достаточно времени. Он взял с собой только механическую лопату и направился к Вратам Зимму, которые находились ближе всего к его складу. Где-то за воротами и чуть дальше над развалинами Зиндрик увидел янаса, кружащегося в воздухе, что означало нахождение влаги. Второй янас, очевидно, не пережил сегодняшнего зенита или же его съели пустынные пауки, которые особенно любили такие места. Пауков Зиндрик, конечно, не боялся, они вырастали всего лишь до размеров головы кронга, не были ядовиты и питались только мелкими животными. Самым же грозным его врагом с этого дня становился Голод.

Первые из пяти врат города представляли собой арочный проём в толстой зернистой стене, который закрывала массивная двустворчатая бронзовая дверь, украшенная с внешней стороны разнообразными рисунками из жизни древних зимбров. Закрытые врата неподвижно висели на, вмурованных в старую стену, петлях, но между дверей имелась щель. Зиндрик просунул внутрь и оказался на небольшой брусчатой площади, от которой, между развалившихся круглых жилищ, в трёх направлениях расходились дороги. Город оказался практически не засыпанным песком, а это означало, что много копать и перемещаться по коллекторам нет необходимости. Янас летал где-то прямо впереди над строением круглой формы из центра которого, вверх острой стрелой, поднималась тонкая башня со сквозными окошками. Туда и направил свой путь Зиндрик, хотя далеко справа где-то в середине города, он уже видел ступенчатые ярусы храмового комплекса – места поклонения, принятия решений и собраний жрецов, а также символ духовной власти города.

Вода – а ргіогі ценность номер ноль, так считали в Зимму, и Зиндрик, как никогда ранее, был солидарен с этой мыслью. Раскалывая плитки городской дороги, зимбр приближался к астробиблиотеке. По обеим сторонам дороги стояли дома ремесленников, глиняные базарные прилавки, высушенные на перекрёстках колодцы, засыпанные пылью и осколками черепицы. В одном из таких колодцев исследователь заметил семейство пауков и кинул туда обломок

кирпича. Обломок весом около пяти ээ повис на паутине, а пауки разбежались. Зиндрик плюнул вниз и пошёл дальше. Раз здесь есть пауки, то живут и другие животные, а среди них могут оказаться съедобные, например, жёлтые хвостонogie ящерицы.

Проходя через базар, за которым уже виднелся вход в астробиблиотеку, исследователь заметил на земле множество переломанных костей и черепов зимбров. Видимо, в древности тут произошёл бой, так как на земле вместе с черепками горшков, обломками стрел, копий и прочим мусором лежали белые, объединенные ветром и Солнцем, скелеты боевых ашкронгов. Длинные рога хищных животных упирались в песок, а их мощные черепа в некоторых местах оказались проломлены. Зиндрик нагнулся и поднял с этой древней земли бронзовый топор, весивший не меньше современного инженерного с цепным усилением, и размахнулся им в воздухе. Ничего не пощадило время – от одежды, базарной посуды, снаряжения воинов остались только прах, камни и куски погнутого металла. Очень осторожно, чтобы не обрушить на себя груды костей, сцепившихся в последнем бою ашкронгов, Зиндрик пролезал между рёбрами и скелетами, попутно осматривая землю. Иногда попадались редкости небольшого размера. Вот несколько, связанных между собой, фигурок янасов – древние каменные чётки, которые когда-то можно было обменять на равное им количество живых янасов. А вот нагрудный диск с изображением Паука – первого языческого символа города, который носили все члены правящей жреческой секты. Исследователь попытался воткнуть в землю свою механическую лопату, но сразу же попал на мраморную плитку. «Раньше здесь плескался фонтан и, следовательно, работал водопровод», – сообразил он и, спрятав диск с нагрудным пауком в рюкзак, двинулся дальше. То, что он несколько ранее, принял за вход в астробиблиотеку, оказалось глухим переулком, в конце которого лежала большая груда костей, а вокруг неё стояли бывшие жилые дома, рассчитанные на одну-две семьи. «Видимо, вокруг базара жили ремесленники», – Зиндрик сделал для себя вывод и зашёл в ближайший дом. В центре круглого помещения, разделённого тонкими перегородками на четыре части, находилось огневище, а над ним закопченная дыра в потолке, сквозь которую ночью, наверняка, можно видеть звёзды. Обычно дыра закрывалась чем-нибудь на ночь, чтобы непрошенные гости в виде насекомых не залетали внутрь. На полу зимбр обнаружил детские скелеты, а на стене небрежные буквы, оставленные углем, и не поддающиеся расшифровке. Зиндрик знал два языка древних зимбров – своих предков, но эти буквы или символы он видел впервые. Исследователь вернулся в переулок.

До астробиблиотеки Зиндрик шёл ещё довольно долго – город располагался ниже уровня Врат Зимму, и со стороны казалось, что он небольшой, но несметное количество мелких строений и улиц, между ними делали его очень запутанным, превращали в лабиринт. Рисуя на куске фольги план исследованной части города, Зиндрик всё равно несколько раз попадал в тупик, возвращался или, проламывая лопатой заборы, переходил на другую улицу. Когда ручной янас подлетел к нему за древесным сухариком, то исследователь уже увидел на небольшой площади стрельчатую башню с окнами, которую уже замечал ранее со стороны ворот, сейчас она терялась между тесных улочек и домов знати. Зиндрик быстро научился ориентироваться в социальной дифференциации построек и уже отличал круглые хижины крестьян и ремесленников от квадратных жилищ средних горожан и двухэтажных домов воинов и жрецов.

Вход в астробиблиотеку располагался аккуратно под стрельчатой башней. На бронзовой решётке висели цепи, стягивающие между собой две створки входных ворот, но это не мешало Зиндрику пробраться внутрь башни. Наверх вела узкая и спиралевидная лестница и, чтобы подняться по ней на второй и третий этаж, зимбру пришлось снять жилет и отставить лопату. Дальше Зиндрик традиционно запустил янаса вперёд и пошёл следом. Через несколько мгновений подъёма он уже слышал жалостный писк – мышь попала в паутину. Едва только зимбр показался на маленькой площадке этажа, как его рука сразу потянулась к ножу. Крупный паук раскинул свои сети прямо поперёк прохода и уже протягивал к янасу челюсти, но резкий выпад ножом навсегда прекратил его попытки. Отлепив янаса от паутины, Зиндрик выпу-

стил его в узкое окно, а сам, прорезав в паутине достаточную дыру, сунулся дальше на последний этаж. Верхняя площадка имела несколько узких окон, обращённых по сторонам Мира и высокий конусообразный купол с многочисленными круглыми отверстиями. Из вершины конуса на уровень головы спускалась тонкая проволока, на конце которой крепилась квадратная металлическая пластинка. Зиндрик посмотрел вокруг и заметил, что в углу лежит ещё один скелет с нагрудным знаком, в точности с таким, какой он подобрал на базарной площади. Кости рук были сплетены и между них на полу лежал маленький блестящий кубик, подняв который, исследователь интуитивно поставил его на свисающую с потолка пластинку. Серебряный кубик, блестящий отполированными гранями, аккуратно встал в квадратное углубление пластинки и мгновенно отбросил от себя солнечное пятно. В куполе башни сразу стало немного светлее, а удивлённый Зиндрик обнаружил на внутренней поверхности конуса нарисованные изображения. Солнечное пятно указывало то ли на сцену военного парада, то ли на триумф царя, вернувшегося с похода. «Очевидно, что по прохождению Солнца по горизонту солнечные пятна смещались и указывали на текущее время светового дня», – рассудил он и, посмотрев на свой хронометр, убедился в правильности своей догадки – шестьдесят километров дня. Было совершенно понятно, что стрельчатая башня являлась часовой, и специальный служитель в ней следил за солнцем и вёл учёт времени. Разглядывая город через узкое окно башни, Зиндрик сделал на фольге зарисовку общего вида с хорошо видимым отсюда верхним ярусом храмового комплекса, а потом, захватив кубик, спустился вниз.

Вокруг старого питьевого фонтана, расположенного во внутреннем дворе астробиблиотеки, лежали груды битых каменных табличек. Видимо, воины кочевников или какие-то другие восставшие, разыскивая сокровища, выбрасывали эти древние книги прямо из окон, поскольку целых среди них Зиндрику попадалось мало. Вопреки гипотезам некоторых учёных из Академии Поиска, язык жителей города оказался исследователю, во-первых, неизвестным, так как ни одного слова из табличек он понять не смог, во-вторых, пиктограмматическим – это становилось ясно из самого текста. Зиндрик засунул в рюкзак три относительно целые таблички и продолжил свой поиск. Весь пол главного зала астробиблиотеки также оказался завален разбитыми книгами, и тут зимбр заметил, что все книги-таблички, которые не обратились в пыль, имели на своих углах отдельные знаки. По этому признаку можно было догадаться, где начинается одна страница и начинается другая, а, следовательно, собрать книги по томам. «Но табличек так много, что для этого потребуется намного больше времени, чем у меня есть воды», – подумалось Зиндрику, переходящему из зала в зал.

Двухэтажное здание астробиблиотеки состояло из множества шестигранных залов, все стены которых имели ниши для книг. На первом этаже Зиндрик попал в большой зал, где опять нашёл скелеты, лежащие вперемешку с книгами. Могучий бронзовый топор вонзился в щель пола, а рядом, на большой, испещрённой пиктограммами, книге всего в две страницы и без отдельных знаков, лежал пыльный череп с выбитыми зубами. Аккуратно сняв его, Зиндрик тщательно вытер с книги пыль, и принялся зарисовывать её крупные знаки в свой фольгированный блокнот. По окончании рисунков, Зиндрик походил ещё немного по залам первого этажа и уже намеревался пойти на второй, как внезапно сзади посыпалась штукатурка, а по книгам пробежала съедобная ящерица – жёлтый хвостоног. Исследователь улыбнулся – значит, пища тут есть, хотя и не очень вкусная и приятная. Добыть ящерицу оказалось нетрудно, тут ему помог метательный кривой нож Имбрга, и вот уже ящерица размером с руку оказалась в рюкзаке. Раздумывая как лучше приготовить хвостонoga, Зиндрик услышал снаружи знакомый писк и выбежал в дворик. Янас, сложив свои кожаные крылья, бегал по старому фонтану и пытался копать песок под одной из плиток – вода! Зиндрик улыбнулся во второй раз – это действительно была удача.

Библиотека

Исследователь вернулся на свой склад уже в сумерках. Позади день поиска, а в рюкзаке лежали артефакты, хвостатая пища и несколько листов исписанного блокнота. Зиндрик снял рюкзак и поставил его на каменный стол старого крестьянского жилища, а сам залез в погреб где, перевернув канистру, напился воды и пополнил флягу. Завтра опять предстояло выкапывать дикие корнеплоды, так как до воды у фонтана ещё нужно добраться. Докку содержали в себе очень мало влаги, да и расщепитель с трудом перемалывал эти дикие овощи. Но теперь это уже не так принципиально – янас нашёл доступ к грунтовым водам, и это снимало часть проблемы. Оставалось только глубоко копать, впрочем, как и всегда. Зиндрик помнил, как однажды они с Имбргом оказались в одной заброшенной деревне без воды и пищи, но тогда их выручила пищевая закладка, оставленная предыдущей экспедицией, и они смогли не только выжить, но и благополучно вернуться в Зимму с результатом. И хотя теперь всё было совсем по-другому, в несколько раз опаснее, молодой исследователь даже и не думал о самоубийственной остановке мозга.

Мясо ящерицы, сваренное в термосе, оказалось неплохим, но недостаточным и поэтому Зиндрик решил отрезать у кронга ещё что-нибудь. Он выскочил с погреба, но, подбежав к туше кронга, понял, что жестоко опоздал. Черви! Действительно белые червяки, во множестве сползшиеся на запах горелого мяса, уже сделали кронга непригодным для употребления в пищу. Зиндрик зло сплюнул и окончательно засыпал тушу песком. Консервы оставалось всего две банки, и зимбр решил их растянуть, а завтра попытаться наловить хвостонотов и попробовать держать их живыми – для этого он уже присмотрел одну каменную яму в одном из домов сразу за воротами Зимму.

Приближалась ночь. В этом месте, равноудалённом как от Острова, так и от государства Зимму, ночь равнялась дню, и Зиндрик поставил будильник на конец зенита. Перед сном он ещё раз проверил изоляцию своего погреба и прочистил от песка, забившийся от времени, вентиляционный канал. При синем пламени зажигалки, слабо освещавшем внутреннее пространство погреба, Зиндрик попытался дешифровать древние пустынные пиктограммы, но, кроме знаков зимбра и паука ничего не смог разобрать. Сначала он предположил, что круг с восемью отростками означает Солнце, но потом догадался, что это всё-таки паук, и не просто паук, но Паук Песчаный – символ погибшей цивилизации, уничтоженной, если не силами кочевников, то уж наверняка какими-то другими, может быть внутренними, антагонистами. Повесив на стену лист фольги для заметок, Зиндрик немного покрутил в руках, найденные им каменные чётки и нагрудный знак, потом перекрыл вентиль зажигалки и, присев на набитый мелким песком мешок, крепко заснул.

После прохладной ночи, обжигающий ноздри воздух утра был несколько горячее, чем вчера. Приближалась горячая пора года с её многочисленными пыльными бурями и песочными ураганами. Работа по выжимке воды из докку в то утро показалась Зиндрику лишённой рациональности, ввиду малого её выхода относительно затраченных сил. Он решил больше не тратить драгоценное время, а сразу приступить к рытью колодца возле астробиблиотеки. Наскоро перекусив мясом кронга, он двинулся в город.

Путь до фонтана Зиндрик прошёл, используя, зарисованную вчера, импровизированную карту. На этот раз он решил идти не через рынок, забитый костями ашкронгов, а через параллельную улицу, которую он заметил, зарисовывая пейзаж из окна часовой башни. Зайдя в город опять через Врата Зимму, исследователь, призывая янаса свистом, углубился в лабиринт глиняных построек и через два квартала достиг «Площади Часовой Башни» – как он сам её назвал на своей карте. Янас нигде так и не появился, из чего Зиндрик заключил, что тот погиб, выполнив возложенную на него функцию. С собой Зиндрик захватил пустую канистру,

рассчитывая наполнить её свежей водой, но когда приступил к демонтажу библиотечного фонтана, понял, что набрать воды будет не просто. Используя цепотопор, он сколол с центральной части фонтана плитку, разбил глиняные трубки и начал методично вынимать грунт из образующейся ямы. Через пять киломигов крупный песок уступил место мелкому, а затем лопата ударилась о камни. На дне ямы оказалось неожиданное препятствие в виде плотно пригнанных друг к другу плоских булыжников, слой которых Зиндрик попытался проломить цепотопором. Наконец, кладка поддалась, проломилась, и камни попадали куда-то вниз. Посветив фонариком, исследователь обнаружил, что попал на подземный коллектор. Внизу оказалось достаточно места, и он прыгнул в него, предварительно закрепив шнур от жилета за выступ. На дне старого коллектора его ботинки сразу погрузились в жидкую глину, которую можно было при необходимости отжимать, а полученную влагу фильтровать и кипятить. Очевидно, по старому коллектору протекал небольшой подземный ручеек, и это означало, что запас воды не ограничен. В обе стороны коллектора расходились, грубо вылепленные из бурой глины, примитивные трубы, несколько из которых, поднимающихся вверх, оказались раскрошенными в пыль. Идти по коллектору в сторону Океана, а именно туда в итоге тёк маленький ручеек, могло стоить жизни в результате обвала грунта, зыбучего песка или падения камней. В давние времена коллектор собирал в себя канализационные и немногочисленные ливневые воды, но теперь, по прошествии нескольких эпох, почти иссох и стал служить дорогой для небольшого подземного ручья.

С помощью ножа Зиндрик выкопал на глиняном дне коллектора яму по колено глубиной, а вынутыми ломтями глины выложил вокруг неё небольшой вал, образовав, таким образом, маленькую плотину. Когда яма до краёв наполнилась водой и стала вытекать из неё дальше тоненькой струйкой, Зиндрик, используя закреплённый шнур, выбрался наверх. Там он привязал к шнуру канистру и опустил её в яму, зачерпнул воды и вытянул. Всё – вода есть, теперь её остается только кипятить, что он и сделал. На дне термоса с подогревом после кипячения остались белые хлопья – вода содержала много железа, но зимбра это тоже устраивало. Такой способ добычи воды оказался намного эффективнее.

Исследователь вышел на улицу, поднял там с земли четыре толстых берцовых кости ашкронга и принёс их к своему колодцу. Здесь Зиндрик обозначил «колодезную яму» – попарно сложил над ней кости, закрепил на них шнур от инструментального жилета. Порывшись по карманам, он нашёл моток тонкой паяльной проволоки и, распутав его, соорудил две затяжные петли, а потом пошёл внутрь астробиблиотеки и растянул их над круглым погрызённым отверстием у основания стены. «Стая хвостоногов, судя по помёту, живёт здесь давно», – заметил Зиндрик про себя и тут же вспомнил, как замечательно готовят этих ящериц в спутниковых городах Зимму, там их специально откармливают сладкими растениями, а потом тушат с фруктами. Облизываясь, зимбр побил несколько книг, пока поднимался по кубической лестнице на второй этаж библиотеки. По пути он думал ещё и о том, что свой склад из предместья города он перенесёт сюда, тем более что на первом этаже он ещё вчера обнаружил медное кольцо солнцеубежища.

Лестница выходила в коридор и дальше не шла. Второй этаж библиотеки также имел залы с табличками, но помимо них ещё и маленькую обсерваторию. Скелеты древних зимбров в ней отсутствовали, впрочем, как и глиняные книги, зато все стены в ней сами служили страницами для астрономических наблюдений, зафиксированных на неизвестном Зиндрику пиктограмматическом языке. Однако сегодня утром после сна ему в голову пришла догадка относительно некоторой группы знаков, обнаруженной им на целых табличках. Это были знаки чисел – всего девять. Таким образом, из начертанного на стенах зала обсерватории, теоретически возможным, оказалось, извлечь определённый математический смысл. Тщательно зарисовывая знаки самой первой и самой последней астрономической записи, Зиндрик внезапно услышал на первом этаже шум борьбы и шуршащие звуки. Очевидно, в петлю попался первый

хвостоног, но это не заставило зимбра прекратить работу. Как жаль, что нет Имбрга! Он организовал бы здесь все бытовые процессы, перерыл всё, перекопал бы весь город, организовал водопровод и так далее.

Закончив зарисовку, Зиндрик хотел уже бежать вытаскивать хвостонoga, как вдруг заметил на стене стрелку. И как он раньше её не заметил! Стрелка оказалась нацарапана прямо на стене на уровне глаз. Осмотревшись, Зиндрик заметил ещё одну такую же на лестничном пролёте, а также внизу на полу первого этажа. Странно, но вчера стрелки абсолютно не привлекали к себе внимание, казались древними царапинами от копья, сливались с обстановкой. Тут Зиндрик догадался, что стрелок может быть и больше, и только несколько из них он заметил, внимательно осматривая стены. Стрелка указывала в соседний с комнатой обсерватории зал и, что являлось совершенно странным и удивительным, имела в своём начале два крючка. Абсолютно современная стрелка в древнем городе, который пролежал под песком времени пятьдесят эпох! «Значит, раньше меня здесь кто-то уже побывал!» – блеснула мысль. Но почему об этом до сих пор ничего не известно в Зимму? С этими мыслями Зиндрик быстро прошёл по коридору в направлении указанном стрелкой и зашёл в очередной библиотечный зал. На сильно запыленном полу тёмного зала лежал скелет зимбра, а рядом с ним на каменной скамье стоял старый термос, на котором также оказалась современная стрелка, на этот раз с чёрточкой на острие, что означало конец маршрута. Мёртвый зимбр лежал на синтетическом мешке и когда Зиндрик попытался вытащить его из-под скелета, внутри мешка зазвенел металл. Воздух был сильно запылен – при поднятии мешка хлопья пыли заполнили весь зал, и сразу стало трудно дышать. Решив, что лучше осмотреть оставленные предметы при дневном свете, Зиндрик вынес предметы к колодцу. Уселся там на край фонтана и вытряхнул мешок: зубастая пила, пара старых ботинок, пять жреческих знаков с изображением паука и странный бронзовый ключ с рогами как у ашкронгов. А вот термос оказался намного интереснее, внутри него Зиндрик нашёл текстовые записи, какие-то технические блок-схемы и незнакомые рисунки. Первым делом он прочёл записку, написанную на немного устаревшем, но, в принципе, свободно читаемом языке:

«Шестая эпоха от возникновения Зимму, 510-й мегамиг.

День пути 25-й. Сильный пылевой вихрь, испарилась вода, продолжаю идти на Океан. Впереди высокие дюны. Ничего не видно. Заснул в песке.

День 26-й. Вихрь закончился. Вижу стены города. Очень горячий зенит, устал копать. Впереди город, много построек и костей. Обнаружил склад бронзового оружия.

27: Кости, черепа и опять кости. Собирал жреческие нагрудные знаки, кто-то охотился именно за ними – нет черепов. За верхним городом виден Храм Паука. Нашёл библиотеку, всё поломяно. Из фонтана можно нацедить воды. Жёсткая! Закончились обеззараживающие шарики – пью так. Нашёл рогатый ключ. Зачем он нужен? Завтра пойду к храму, на некоторых стенах домов нанесены символы кочевников, ничего не понятно. Может ключ пригодиться во дворце?

28: Пережил зенит в библиотеке – плохое место, жарит со стен – надо найти новое. Нечего есть – одни черви. Потерял огонь – оставляю их до утра. Кажется, заболел от сырой воды.

29: Плохой день, скрутило конечности. Опять не кипятил воду, в последнее время она еле течёт. Лежал и переводил тексты с табличек. Есть система! Заснул голодным.

30: Сломалась подводная трубка фонтана, но закончил таблицу для переводов. Простой интуитивный язык. Закончилась фольга, дописываю таблицу на оборотах карт.

31: Второй день без воды, следующего зенита не пережить. Таблица в термосе. Еле двигаю рукой. Надёюсь ТА предоставит мне возможность участвовать в материализации мира.

Ирт Зимри, старший исследователь

город ТА, неизвестные океанские земли»

Попавший в петлю хвостоног, продолжал шипеть и шумно бороться с проволочной петлёй. Зиндрик только сейчас сообразил, что его давно пора из неё вытащить. Он аккуратно свернул все записи обратно в термос и положил его в заплечный рюкзак. Ну конечно он знал про Ирта Зимри – одного из самых талантливых переводчиков Академии! Ещё прошлой эпохой, когда в качестве энергии применялась исключительно мускульная сила животных, крупный исследовательский караван навсегда пропал в Глобальной Пустыне в океано-островном направлении. И вот теперь, выясняется, что он всё-таки достиг города! «По прибытии в Зимму следует заказать пластину памяти в Зал Мужества, и вписать новую страницу в историю исследований», – подумал молодой исследователь и пошёл вытаскивать хвостонoga.

Весь остаток дня Зиндрик занимался тем, что перетаскивал мясо и оборудование из предместья города в убежище библиотеки. Особенно тяжёло оказалось тащить расщепитель. Вместе с элементами питания он весил около 15-и зэ, и для его транспортировки опять пришлось использовать прочные кости ашкронгов. Выгнав парочку пауков из шестиугольного подвала астробиблиотеки, он затащил туда мясо, настроил вентиляцию, наладил освещение, остроумно подвесив зажигалку Имбрга под самый потолок. А под конец дня опять забрался в часовую башню и осматривал окрестности, параллельно занося на карту новые объекты. При более тщательном осмотре за пирамидальным храмовым комплексом оказались замечены стены дворца, более низкие по сравнению с внешними. Именно эти два объекта и представляли особенный интерес для поиска. Воды оказалось вдоволь, стая хвостоногов жила где-то рядом и можно спокойно заняться исследованиями. Спустившись с башни, Зиндрик проверил петли и в одной из них вновь нашёл добычу, снял с неё жёлтую бугристую шкурку, подвесил мясо – после завтрашнего зенита оно будет готово и окончательно залез в подвал.

Зажигалка рассчитывалась на непродолжительное время горения, но сегодня Зиндрик распорядился её весьма не экономно: жёг до самой ночи, крутил яркость, не следил за расходом топлива. Впрочем, у него была ещё одна, с целым зарядом и ещё аккумуляторы к рациям. Более того, Зиндрик съел вторую консерву и выпил всю воду, добытую из докку. Ирт Зимри писал, что воду из фонтана нужно обязательно кипятить, но её также можно оставлять во флаге перед зенитом.

Покончив с бытовыми делами, зимбр полез внутрь найденного термоса и вытащил оттуда все записи, тщательно разложил их на прохладном полу солнцубежища. «Итак, короткий дневник, карта города в очень крупном масштабе и схема движения каравана», – подытожил Зиндрик содержимое. Но, конечно, самое интересное и полезное оказалось на оборотных сторонах навигационных карт. Таблицы условного перевода! Действительно, когда перед тобой лежит готовый словарь, чужой язык кажется не таким уж и непонятным. Исследователь достал свои заметки и попробовал перевести самый простой из найденных им текстов. Прошло ещё некоторое время, в течение которого Зиндрик внимательно и скрупулёзно переводил пиктограммы в слова с большой книги в две страницы, лежащей в астробиблиотеке этажом выше. Когда он закончил, его, утомлённому за день взгляду, предстал такой загадочный текст:

«И был День, и была Ночь, и бегало Солнце между ними до тех пор, пока с Неба не упало Яйцо. И разбилось Яйцо, и вылилась из него кровь, и была эта кровь первого зимбра».

Такую гипотезу происхождения зимбров он никогда не слышал, хотя по этому поводу существовало несколько версий. Согласно первой и основной гипотезе происхождения зимбры появились на свет из Океана по воле ТА, а согласно второй – вышли из подземного пресного ручья. Впрочем, вторая гипотеза не слишком противоречила первой, так как воду по ней тоже создал ТА. На заре Зимму в античные эпохи существовало мнение, что ТА имеет много своих воплощений в виде: камня, огня, царя ашкронгов или, как в случае с городом Паука, в виде песчаного паука. Но такая концепция по жизни оказалась ошибочной – приводила к разрушениям и конфликтам, разрывая сообщество зимбров изнутри, и как только мыслящие зимбры

отказались от неё, то сразу возникло Зимму – объединённое государство зимбров с единым языком и общей системой управления.

Зиндрик погасил зажигалку и ещё долго, лёжа на набитом песком мешке, думал о Зимри и его подвиге. В конце концов, профессия исследователя окружающих пустынь требовала мужественности и выносливости. Он тоже оставит после себя ценности, он найдёт артефакт мудрости, он выживет.

Храм Паука

Сразу после зенита Зиндрик вылез из погребца и побежал снимать тушку хвостонюга. Мясо было ещё горячим. Полностью пропечённое лучистой энергией утренней фазы Солнца, оно подкрепило исследователя и придало необходимых для поиска сил. Вода в канистре, вытасченная вчера из коллектора, уже не бурлила. Зиндрик заполнил полученным кипятком свой термос и бросил туда комочек сухих волокон докку, несколько сухариков – к середине дня похлёбка будет готова. «Следует найти несколько цветущих колючек или хотя бы грибов, а то питаться одним кронгом долго малопитательно», – подумалось ему, и он решил слазить в колодец во второй половине дня. А сейчас перед ним стояли развалины верхней части города, над которыми частично проглядывали стены Храма Песчаного Паука. Как и всегда в дорогу он захватил с собой лопату, а также взял зубастую пилу по камню, оставленную Иргом Зимри. Рогатый ключ молодой зимбр положил в карман жилета, особо не рассчитывая, что он понадобится, а вот цепотопор он не взял – сначала разведка.

Храмовый комплекс Песчаного Паука, располагался где-то в середине города. Это Зиндрик запомнил, зарисовывая панораму из окошка часовой башни. От астробиблиотеки до ритуального сооружения нужно было пройти несколько кварталов. По пути всё больше попадались крупные кости ашкронгов, видимо, здесь прошёл решающий момент битвы. Вокруг маленьких площадей, собранных узкими улочками в тугие узлы колодцев, валялись уцелевшие за несколько эпох и за тысячи зенитов археологические находки: бронзовая посуда и оружие, украшения из камня и браслеты для рабов. Подняв один из таких браслетов, Зиндрик внимательно его рассмотрел. Бронзовое кольцо со значком паука и несколькими чёрточками, очевидно означающими, принадлежность раба. Он опять завернул на угол, вышел на относительно большую площадь и первое, что привлекло его внимание, была высокая с двухэтажный дом статуя древнего зимбра, сидящая верхом на сильном кронге. С верхнего этажа часовой башни статуя не просматривалась, и Зиндрик понял почему – всадник стоял ребром к стрельчатой башне. Искусно скреплённые клейким каменным составом булыжники плотно прилегли друг к другу, и рука древнего скульптора при этом точно передавала образ сидящего верхом жреца. О том, что это не воин-герой или царь-победитель, а конкретно верховный жрец Паука, говорил нагрудный знак всадника. А находящийся под жрецом стройный кронг явно принадлежал к какому-то неизвестному Зиндрику виду, он обладал могучей шеей, сильно развитой челюстью и длинными ногами, которыми исполинский кронг попирает постамент. «Очевидно, у древних зимбров селекция живых существ получила сильное развитие», – подумал исследователь, зарисовывая контур статуи в блокнот. Вообще казалось немного странным, откуда в этих местах нашлось такое большое количество животных, позволявшее организовывать битвы на ашкронгах: колючие леса поблизости не росли или же были вырублены.

Походив по площади, которую он про себя назвал «Площадью Кронг-Жреца», Зиндрик свернул на широкую улицу, ведущую прямо к храму. Уже не сворачивая в переулки, и не заходя в двухэтажные дома с лестницами, а их здесь оказалось намного больше, чем круглых глиняных лачуг у Врат Зимму, он вышел на ещё большую треугольную площадь, примыкающую непосредственно к пирамидальному храмовому комплексу. На освещённую Солнцем плоскую вершину, находящуюся высоко над землёй, вели высокие каменные ступени.

В древности храм служил местом пребывания жреческой касты и территорией её псевдорелигиозного служения, и здесь же, наверняка, хранились их тексты и ценности. Пытаясь понять управляющую структуру общества, населявшего город, Зиндрик предположил, что верховная власть в городе принадлежала секте Паука, а царь выполнял в основном административно-хозяйственные функции. Ниже царя, конечно, стояли офицеры, командующие наездниками ашкронгов и пешими воинами, а в самом основании иерархической пирамиды,

архитектурным символом которой являлся храм, после солдат, ремесленников и крестьян, находились рабы.

И, несмотря на то, что сразу за пустырём, на месте которого некогда рос сад, шли дорожки прямо к дворцу, главным зданием являлся храм секты Паука. Какая катастрофа постигла город и само культовое здание? Погиб ли он под ударами интервентов или всё-таки утонул в потоке гражданской войны и его вырезали толпы кочевников? Вот какие вопросы волновали молодого зимбра. И только дальнейший поиск причин гибели этой региональной культуры мог просветить его в этом. Рабочей гипотезой для Зиндрика оставались скудные сведения, полученные Имбргом из архивов Академии Поиска, гласящие, что в дальних песочных оазисах появилось новое учение. Оно, развившись за несколько эпох, вылилось впоследствии в крупномасштабное восстание против гнёта и налогов правящей секты Паука. Но сразу после восстания, осколки и иссохшие следы которого, Зиндрик, очевидно, наблюдал, проходя по улицам заброшенного города, кочевники куда-то пропали, смешавшись с высыпавшимся из дюн песком времени, растворились в Глобальной Пустыне. Но теперь, когда он нашёл сообщение Ирты Зимри с оригинальными дешифрованными таблицами по пиктограмматической клинописи, стало возможным прочесть древние книги и, таким образом, полностью либо частично удостовериться в правильности гипотезы.

Храм Паука, сложенный из обожжённых на зените кирпичей, имел квадратное основание со стороной в восемьдесят шагов и находился в центре треугольной, выложенной брусчаткой, площадки. Зиндрик, по отбрасываемой на песок тени, аккуратно вычислил высоту сооружения, а также обратил внимание на жертвенные алтари, сложенные из камня в вершинах площадки. Культ Песчаного Паука, того самого, чьи потомки съели двух его янасов, предполагал кровавую жертвенность и можно было только догадываться, сколько пепла вывозили рабы жрецов за пределы внешней городской стены. Ступив на первую ступень храма, Зиндрик перекинул лопату за спину и начал подниматься вверх по боковому пандусу, примыкающему к фасаду до нижнего яруса здания. На ступенях пандуса хрустел песок, нанесённый ветром со стороны Океана. Всего храм имел два уровня: нижний ярус находился где-то на уровне третьего этажа обычного дома, а верхний более широкий ярус с выступами, ещё на полтора этажа выше. На балконе нижнего яруса Зиндрик очутился, ступив на него с пандуса и переступив небольшие ступеньки. С этой отметки зимбр увидел те объекты мимо которых он сегодня прошёл: от часовой башни по переулкам к каменному всаднику на «Площади Кронг-Жреца» и от неё на «Площадку Трёх Алтарей». Поискав на балконе что-нибудь вроде входа и нечего не обнаружив, зимбр сошёл с балкона обратно на пандус. Ещё несколько гектомигов пути и вот она вершина высокого сооружения с небольшими прямоугольными выступами.

С высоты полёта янаса город ТА имел прямоугольное очертание. Отсюда становилось видно, что одни из городских ворот разрушены – Пустынные Врата. В этом же направлении находился царский дворец и обрамлявший его пустырь. Мимоходом Зиндрику пришла в голову мысль, что каменных ценностей и драгоценных камней в виде украшений он уже здесь нигде не найдёт. Если кочевники разграбили город, то шансы найти носители мудрости, если они, конечно, имели драгоценные вставки, равнялись пустоте. Хотя на других поисках им с Имбргом удавалось найти и абсолютно оригинальные носители, особенно в старинных спутниковых поселениях. Это могли быть тексты, изображения и даже сами здания вместе с планировкой поселения. Но здесь, в этой достаточно развитой имперской столице у древних пустынных зимбров, учитывая их уровень культуры, носитель мудрости должен оказаться в письменном виде, а, следовательно, быть копируемым и редактируемым, должен отражать цели и смысл их бытия, а такими обладали все относительно зрелые народы.

На втором ярусе Зиндрик также не нашёл ни одного входа и очень удивился этому обстоятельству. Он знал, что внутри храма обязательно должны находиться залы и комнаты – здание должно иметь планировку, так как пустотелым или сплошным оно не мог быть по опре-

делению. Тем не менее, ни одного входа внутрь он не нашёл. Его не было сбоку, на балконе нижнего яруса или на площадке верхнего. Становилось интересно. Наскоро достав блокнот, Зиндрик окинул взглядом панораму и дополнил свою хрустящую карту новыми объектами. Сверху город казался красивым. Сферические глиняные купола ремесленных домов впере­мешку с двух и трёхэтажными кубиками, острые башенки царского дворца и зубчатые стены внешней стены образовывали собой тесное, но аккуратно-геометрическое пространство древней жизни. А в центре этого пространства стояла храмовая пирамида на квадратном основании из обтёсанных, неизвестно как сюда попавших, каменных плит. Полуденное Солнце сверкало на черепицах уцелевших крыш и ныряло в засыпанные песком колодцы, пугая при этом пауков и разгоняя хвостонюгов. Закончив зарисовки, и отхлебнув кипячёной воды, исследователь отправился на поиски входа.

Прежде всего, он обошёл здание по периметру. Ни одного окна на фасаде, ниши в стене или скрытых ходов под пандусы. Нет люков и вообще каких-либо отметок, намекающих на вход. Сначала Зиндрик предположил, что вход засыпало, завалило, замуровало временем или же в момент бойни вход заблокировали изнутри сами зимбры. На то, что город когда-то взяли штурмом, красноречиво указывали разрушенные Пустынные Врата. Видимо, версия Академии имела под собой серьёзные основания. Действительно, оставшиеся в живых и укрывшиеся внутри храма последователи Паука могли заложить входы кирпичом. «Возможно также, что вход в пирамиду был подземным, и тогда на его поиски уйдёт куча времени, но рубить стену вообще нельзя – цепотопор не справится с таким камнем», – рассуждал исследователь, усевшись в тени ближайшего домика. Наконец он снял лопату и подошёл к центральной, обращённой в сторону кронг-жреца, стене храма между двух, сходящихся на вершине под острым углом пандусов. Вогнать лезвие инструмента в узкую щель меж кирпичей оказалось довольно тяжело, но когда это с великими трудами было сделано, оказалось, что дёрнуть рычаг лопаты просто не возможно, и тогда Зиндрик оставил попытку слома стены. Оставался ещё вариант поискать нечто вроде замочной скважины, но и здесь зимбра ждала неудача. Ни малейшей зацепки. Тогда он стал нажимать руками потёртые кирпичи в надежде наткнуться на какой-нибудь поворотный механизм, и тут ему повезло, именно так и был организован вход в обитель Паука. Причём входы собственно оказались сразу в нескольких местах – на каждой наклонённой стене храмового квадрата их имелось по два, то есть одновременно внутрь могли зайти сразу восемь жрецов. Это Зиндрик понял, ещё раз обойдя ритуальную пирамиду за более чем триста шагов. Он правильно думал, что входить в храм имели право только члены жреческой касты и только для ритуального служения. Один из входов со стороны пустыря показался зимбру особенно хорошо разработанным – узкая каменная плита легко проворачивалась на своём бронзовом стержне, и Зиндрик решил попасть внутрь храма именно через неё. С силой нажав кирпичное тело плиты, он обратил внимание, как со скрипом проворачивается дверь и шагнул в образовавшийся проход.

Подпружиненная плита приоткрылась, пропустив зимбра вперёд, и снова закрылась. Тёмный узкий коридор, в который попал исследователь, подсвечивался узкими лучиками, пробившимися сквозь щели между камнями. Словно лезвия они пытались царапать внутреннюю стену каменного коридора, идущего по периметру пирамиды. Зиндрик не стал доверять их слабому свечению и щёлкнул фонариком. Отполированные кирпичи. Слева и справа. А под ногами непонятная рыжая пыль, от которой сразу захотелось чихать. Потолок коридора образовывали каменные плиты. Пройдя по коридору несколько шагов, Зиндрик повернул вглубь и оказался внутри большого и тёмного помещения. Узкий синий луч рабочего фонарика заметался по стенам: всюду вокруг находился камень. Две металлические лестницы спиралями уходили вверх. Походив по рыжей пыли, плотным покровом застилавшей пол, Зиндрик обнаружил и два входа в подземелье. Круглые открытые колодцы подземного хода до самых краёв оказались завалены костями зимбров. «Древние одеяния жрецов, оказывается, имели множе-

ственные металлические зёрна и пластины», – обратил внимание Зиндрик. Также на полу среди пластов пыли он нашёл несколько связок каменных чётков. Каменные фигурки, изображавшие разных по ценности животных, а также рабов, древние зимбры нанизывали на медные проволочки и обменивали на равное им количество натурального товара, кстати, одни из таких чётков – ожерелье янасов, исследователь уже находил на базаре. Во многих архаичных обществах, а также в раннем Зимму, существовала такая система обмена, пока не была заменена альтернативной – распределительной, учитывающей устойчивость воспроизводства живых существ и их экологический баланс.

Среди валяющихся на полу предметов внимание Зиндрика также привлекло и оружие. Изогнутые топоры с узкими лезвиями, используемые в хозяйстве и ритуальное оружие – зубчатые кинжалы. На каждом кинжале, а Зиндрик поднял их несколько, имелась короткая одинаковая надпись. С помощью таблицы Ирта Зимри он перевёл надпись при свете фонарика: «Через [сквозь] песок к Солнцу!» – прочитал исследователь и положил один из кинжалов в рюкзак.

Походив около подземных лазов и потыкав туда лопатой, Зиндрик обратив свой взор на бронзовые лестницы. Закручиваясь спиралью, они явно вели вверх на нижний и верхний ярус храма. «Почему их здесь две?» – подумал Зиндрик и ступил на нижнюю, самую широкую ступеньку ближайшей к нему лестницы. Начал подниматься. Старая ветхая лестница скрипела, вибрировала, но выдерживала вес молодого исследователя. С каждой новой ступенькой ширина ступенек суживалась и требовала большего внимания поднимающегося. Наконец подъём закончился и брызнувший вверх свет фонаря обнаружил закрытый люк. Последняя ступень предполагала, что жрец следующим движением откроет люк и вылезет наружу. То, что люк вёл прямо на открытый балкон нижнего яруса храма, Зиндрик догадался, приподняв крышку люка. Взявшись обоими руками за бронзовые ручки каменного кругляша, он с силой приподнял его, и сразу же ему в лицо попало яркое полуденное Солнце. Люк однозначно использовался жрецами Паука для каких-то ритуальных действий, и мог применяться, предположим, для внезапного появления на балконе перед внимающим народом. Потянув чуть сильнее за ручки, Зиндрик не рассчитал массы каменного люка и сломал их. Люк захлопнулся. Тогда зимбр вытащил из рюкзака древний кинжал и, подковырнув им люк, чуть приподнял его в углублении. Стал на последнюю ступеньку лестницы, просунул пальцы в щель, и собрался было уже второй рукой поднять люк, как вдруг лезвие кинжала со звоном сломалось, и люк рухнул прямо на пальцы. Сильная боль мгновенно обожгла кисть и отозвалась в плече. От неожиданности Зиндрик соскользнул с последней ступеньки и, ища опору, с силой ударил ногой по центральному стержню винтовой лестницы. От внезапного удара бронзовый стержень, от которого как ветви вырастали ступеньки, выпал из своего крепёжного гнезда, и вся конструкция с резким грохотом обрушилась вниз. А Зиндрик остался висеть на высоте второго яруса здания, с кистью, защемленной крышкой люка.

Боль, накатывая волнами, однако не мешала, ругающемуся зимбру, оценить всю сложность своего положения. Внизу растревоженная, распавшимися частями лестницы, рыжая пыль начала подниматься вверх, образуя с душным воздухом храма, малопригодную для дыхания смесь. Зиндрик висел в воздухе, прижатый плитой и понимал, что так или иначе придётся прыгать вниз, но для начала необходимо было вырваться из ловушки, в которую сам же и угодил.

Крышка прижала кисть так сильно, что думать о её поднятии, не имея точки опоры, оказалось наивно. По левой руке от прижатой кисти прямо в жилет сочилась кровь – плита пробила пальцы до кости. Свободной правой рукой Зиндрик снял из-за плеча механическую лопату и попытался просунуть её лезвие в щель, чтобы потом, нажав на рычаг, расширить щель. Но в темноте – фонарик упал вниз вместе с лестницей, он неудачно перехватил черенок лопаты и, не удержав её, уронил вниз. Ужасно неприятная ловушка! Висеть в темноте с прижатой к потолку раненой рукой. А воздух, тем не менее, всё сильнее заполнялся мелко-

дисперсной, забивающей лёгкие, рыжей пылью. Собравшись с мыслями и поборов, настроив дыхание, первые острые импульсы боли, Зиндрик залез в карман и достал запасной фонарик. Лёгкий щелчок и бледное синее пятнышко света, управляемое правой рукой, начало осматривать стены и потолок. Через гектомиг стало понятно, что до второй лестницы, уходящей ещё выше на верхний ярус, не допрыгнуть, даже если освободиться. Оставалось только приподнять люк и прыгать вниз. Зиндрик ещё раз в некоторой надежде осмотрел потолок, но, не найдя на нём ничего, за что можно уцепиться, выключил фонарь.

Повисев некоторое время он, продолжая испытывать боль, немного подтянулся и попробовал приоткрыть крышку, но мгновенно стало ещё больнее и, кажется, хрустнуло три фаланги. С силой сжав зубы, Зиндрик опять беспомощно повис в темноте, а рыжая пыль продолжала забивать дыхательные пути. Подтянув рюкзак к себе, молодой зимбр лихорадочно порылся в нём: блокнот, кусок ткани, бесполезная рация, нож Имбрга, пила Зимри и браслет неизвестного раба. Первое, что необходимо сделать – защитить себя от рыжей пыли. С этой целью он накинул на шею кусок ткани, а потом обильно полил его водой из фляги, пристёгнутой к ремню. Далее Зиндрик вытащил старую пилу с мелкими зубьями и зажал её зубами, натянул поверх мокрую ткань. Рюкзак он отстегнул и сбросил вниз.

Решение, которое они принял, являлось единственным выходом. Ампутация. Раздумывать некогда. «Не висеть же здесь до полной потери крови!» – подумалось ему. Судя по тому, как хрустнули фаланги, кисть накрепко прижало плитой в углублении люка. Всё ещё стиснув зубами пилу, он достал из чехла свой собственный острый нож и резким сильным движением сразу разрезал до костей все четыре пальца левой руки. Кровь полилась ещё обильнее, а на металле пилы появились отметины от зубов. Мышцы лица исказились, брызнули слёзы и впитались в мокрую и без того тряпку. Теперь предстояло самое сложное – перепилить собственные фаланги. Для этого Зиндрик, вернул нож в чехол, и вынул изо рта пилу по камню. Длинной в локоть, она имела ржавый вид, но другого подходящего инструмента пол рукой не оказалось, и зимбр приложил старые зубья к белевшей меж плоти кости. Четыре резких и чудовищно болезненных движения поперёк тонких косточек хватило, чтобы тело Зиндрика, отрывая тонкие полоски кожи, рухнуло вниз, прямо на развалины лестницы. Падение с относительно немалой высоты, тем не менее, оказалось завершением спасения из ловушки. Боль в левой руке не утихала. Более того её не смогли заглушить ушибы от падения и царапины. Целой рукой Зиндрик раскидал части лестницы в стороны, схватил рюкзак и потащился к выходу. На сегодня исследование окончено. Предстояло перевязать рану, добраться в подвал библиотеки и отдохнуть. Оставив инструмент среди растущих облаков рыжей пыли, он покинул зал нижнего уровня Храма Паука и через коридор выскочил к входной плите, повернул её.

Яркость дня сначала ослепила Зиндрика. Болевые вспышки как тонкие острые молнии пронизывали мозг, рана продолжала болеть. Он опять достал флягу, отпил глоток, а остатками воды полил рану, смывая с неё запёкшуюся кровь, осколки кости, пыль и грязь. Обратный путь казался долгим. Песок хрустел на зубах и через несколько киломигов должны были начаться сумерки.

Сакральная формула

При солнечном свете все четыре пальца левой руки оказались отпиленными до ладони. Жилет пропитался кровью, которая, впрочем, быстро засохла. Вернувшись на свою базу к астробиблиотеке, Зиндрик обнаружил ещё две неприятные вещи. Во-первых, все петли, расставленные на хвостоногов, оказались пусты. С чем это могло быть связано, Зиндрик понимал не до конца. Возможно, хитрая стая, лишившись двух своих особей, испугалась и перекочевала в другое место, но, не исключено, что здесь их жила только одна пара. Во-вторых, вытащенной из колодца воды хватило только на то, чтобы промыть рану. Зиндрик поднял канистру и догадался, что подземный ручеек едва сочился. Назавтра следовало опять прыгать вниз и копать, а также пробовать найти грибы или колючки. Делать это с рукой, лишённой хватательной части, очевидно, будет очень трудно. Зимбр забрался в подвал и с жадностью поел жареного кронга. Нужно лекарство, а ничего такого не сохранилось. С грустью Зиндрик вспомнил грузовой отсек взорвавшегося корабля. Теперь ничего не оставалось, как попробовать самому сделать подобие лекарства. Он раскрыл таблицу Зимри и сделал обратный перевод. Слово «лекарство» переведилось на древнезимбрский язык в виде трёх абстрактных стилизованных рисунков. Походив по библиотеке и поискав глиняные таблички с этими символами, Зиндрик нашёл только одну такую, и затащил её в подвал. Он решил остаток дня и вечер посвятить отдыху, так как понимал, что надо набираться сил, что скоро из города придётся уходить и пробиваться к Зимму. Долго он здесь не протянет, тем более, лишившись пальцев. Это он уже понял.

Вечер опустился на город ТА, когда Зиндрик вычерпал всю жидкую глину из колодезной ямы и отцедил из неё воду с железным привкусом. Часть воды он опять оставил на зенит, а часть вскипятил на зажигалке, заполнил флягу. И только после того как похлёбка из докку и сухарей была им выпита до дна, он приступал к переводу найденной таблички. Руку он перебинтовал и теперь смотрел на неё с тоской – она продолжала болеть. Переведя первые строки таблички, Зиндрик швырнул её в угол, речь в ней шла о заготовке и хранении отваров коры колючих деревьев. Когда их корабль летел со стороны Острова, они с Имбргом не заметили ни одного леса деревьев, ни одной рощицы. Очевидно, древние зимбры вырубали и выкорчевали все леса вокруг.

Снаружи началась ночь – это Зиндрик узнал, взглянув на хронометр. Было тоскливо и грустно, а снаружи, кажется, начинался Быстрый Песок. Заболела голова, и, испытывая сильную жажду, Зиндрик выпил всю кипячёную воду, заготовленную на завтра. Сильно и с надрывом дул ветер, а через вентиляцию прямо в подвал сыпался мелкий песок, принесённый с окружавших город дюн. Пришлось подставить мешок под вентиляционное отверстие. С трудом Зиндрик заснул и, ворочаясь, в плохом сне, ещё долго слышал завывания песочного урагана.

Утро выдалось горячим и ужасным. Кисть продолжала болеть, распухла и нуждалась в смене бинта. Вынося из подвала астробиблиотеки полный мешок песка, Зиндрик узнал плохие новости о том, что ночной ураган не только засыпал колодец, но и куда-то сдул проводочные петли. Можно попробовать, конечно, снова сделать петли, например, распустив шнур, но делать это одной рукой будет крайне неудобно. Вчерашняя мысль о скорейшем возвращении в Зимму всё сильнее овладевала им. Опять отрезав от ноги кронга пласт солёного мяса и запив его свежим кипятком, Зиндрик принял решение завтра покинуть город. Его уже не останавливал тот миллион шагов, который являлся самым коротким маршрутом к станции подскока – ближайшего поселения на маршруте Остров-Зимму. «Если идти день и ночь, останавливаясь только для того, чтобы зарыться в песок, то через пять-шесть зенитов я смогу добраться до станции», – рассуждал Зиндрик. Но чтобы отправиться в такой дальний путь, он должен нацедить около двадцати зэ воды, а для этого требовалось провести в городе еще

несколько дней и восстановить колодец. Последнюю банку консервы он оставит на переход. Решено!

Первым делом Зиндрик опять сходил в Храм Паука, чтобы забрать оттуда инструмент. Вчерашней дорогой он добрался до здания, сдвинул плиту, зашёл в нижний зал. Рыжая пыль уже улеглась на пол пушистым слоем и лишь слегка колыхалась на сквозняке. Зиндрик нашёл среди обломков лестницы свою механическую лопату и пилу, а затем быстро, чтобы не дышать вредной пылью, вышел из зала на улицу. Оставаться здесь в этом каменном мешке больше не хотелось. Снаружи, на площадке он окинул взглядом сам храм и прилегающие к нему алтари и понял, что, возможно, он единственный смертный, который проник в обитель Песчаного Паука и вернулся из него живым, отделавшись такой малой кровью. Оказавшись здесь во времена расцвета города, он смог бы покинуть город только в виде горсточка пепла. Во славу Паука! То, что культ носил именно такой кровавый характер, свидетельствовали обнаруженные сегодня клетки, стоящие рядами у стен внутри нижнего зала.

И всё же молодого зимбра не покидал дух поиска и приключений. Иначе он бы сейчас не карабкался по ступеням пирамиды опять наверх, а шёл бы откапывать колодец. Зиндрик помнил, что лестниц внутри храма имелось две, но рассудил, что второй раз по шаткой спиральной лестнице он подниматься не будет, а попробует проникнуть на второй этаж через верхний уровень. Сверху открывался исторический пейзаж: живописные развалины, зубцы дворца и стены, глиняные кубики домов и засыпанный вчерашним ураганом камень. Зиндрик опустился на колени, принялся очищать от песка квадратную площадку верхнего яруса храма и через несколько мгновений обнаружил люк. Он подковырнул его лопатой и, взявшись здоровой рукой за край плиты, сдвинул крышку вбок. Внизу находилась большая комната. Зиндрик, оценив расстояние, сел на край отверстия и аккуратно спрыгнул вниз. Многогранный зал, на каждой грани мозаика из разноцветных, но не драгоценных камней. Сцены охоты Песчаного Паука на зимбров, битвы пауков, поединки Паука с однорогим хищным ашкронгом. Странно, но на полу на это раз рыжей пыли не оказалось. Осмотревшись, Зиндрик увидел и лестницу, которая вела из мозаичного зала вниз. В помещении стояли мелкие клетки с каким-то прахом, в одной из них исследователь обнаружил косточки янасов с колечками на коготках. Но самое интересное ждало Зиндрика на невысокой металлической подставке – большой золотой паук. Он стоял в атакующей позе, расставив блестящие шерстистые лапы, и грозно раскрыл челюсти, глядя на врага всеми своими восемью красными глазами. Неизвестный скульптор очень точно передал физиологию паука, увеличил его раза в четыре сверх обычного размера и не пожалел для этого золота. Зиндрик ничуть не удивился тому обстоятельству, что кочевники не побывали в этой комнате. Ведь, даже если бы они узнали, что статуя паука выполнена из золота, их бы это не заинтересовало. Существовали металлы ценнее и важнее, тут Зиндрик был уверен, что в городе не сохранилось ни одного копья, ни одной стрелы со стальным наконечником. На сгибе локтя зимбр разложил блокнот и правой рукой зарисовывал окружающее, снимал размеры с паука, брал образцы материалов. Помимо этого в зале лежало два скелета, и при одном из них вновь оказалась оригинальная находка – цепь из колец рабов-жертв. «Да, кровожаден Песчаный Паук! Не удивительно, что кочевники, верующие милосердному ТА, или бунтующие рабы разрушили город до основания,» – думал Зиндрик делась с блокнотом новыми картинками. Гипотеза отчасти подтверждалась.

По завершении зарисовки Зиндрик перетащил золотого паука в дальний угол. Затем перевернул металлическую подставку и подтянул её к квадратному люку. Запрыгнул на подставку, подтянулся на локтях, вытащил себя наверх. На самом верху Храма Паука он закрыл за собой люк и спустился на землю.

Далее следовало заглянуть во дворец, чтобы уже потом, возможно никогда, в него не возвращаться. Зиндрик перекинул лопату за спину и двинулся через пустырь к дворцу. Как он и предполагал на месте пустыря в ту далёкую эпоху был сад. Находясь между дворцом и садом,

он не раз служил местом политических и других встреч. Здесь договаривались о свиданиях и заговорах. Сразу за пустырём находился небольшой мостик, а за ним один из входов во дворец. Зиндрик двинулся через мостик и через несколько невысоких арок вошёл в царский дворец.

Сложенный из кирпичей и частично облицованный камнем, дворец представлял собой длинное одноэтажное строение, занимавшее, тем не менее, большую площадь. Амфилада комнат разного назначения, открытые площадки и засохшие фонтаны в них. Всюду разруха: обломки статуй, куски кирпича, металлические предметы одеяний и оружия, выбитые зубы, браслеты, четки и черепа. Обойдя дворец по периметру, исследователь углубился к его центру и, очевидно, попал в покои самого царя. Мусор и угли, кое-где рыжая пыль, которая, очевидно, как-то сама собой размножалась. Зиндрик решил всё-таки взять её образец и, используя обломок ножа, собрал немного пыли в небольшую ёмкость из-под какой-то жидкости, найденную тут же. В дворцовых покоях, среди бытовых помещений ему удалось найти малую комнату с глиняными кубами и дверь в царское солнцезащитное убежище. В комнате с кубами, служащими неизвестными моделями, он заметил, высеченную прямо на полу древнюю карту. В представлении древних зимбров вся, окружающая город Паука, пустыня простиралась во все стороны Мира. Удивительным также являлось то, что на карте не была отмечена Зимму, хотя во времена падения города цивилизация Зиндрика уже расцветала. В основе карты находилась догадка, что вся Глобальная Пустыня омывается одним Океаном, что, несомненно, дублировало и соответствующие современные представления. Что обозначалось кубами, исследователь понять не мог, но сделал предположение, что стоянки удельных князей и кочевников, так как, присмотревшись внимательнее к глиняным кубам, заметил на них рисунки животных и цифры над ними.

Из оставшихся без осмотра комнат оставалось лишь одно солнцезащитное убежище. Массивная бронзовая дверь, ведущая в подвал, оказалась плотно закрыта, и тут Зиндрик вспомнил про найденный рогатый ключ. Догадка оказалась верной. Ключ два раза провернулся в скважине, щёлкнул замок, но, потянув за ручку, зимбр и теперь не смог открыть дверь. Пришлось её поддеть, найденным тут же обломком топора. Глубоко вниз вели сильно стоптанные ступеньки. Зиндрик спускался вниз, подсвечивая дорогу фонарём, и оказался в низком и большом подвале. В углу старая паутина, прогрызенные хвостонагами ходы в стенах, а на полу несколько скелетов вперемешку с всякими металлическими предметами и мусором. В нише одной из стен засох старый жир. Зиндрик походил по подвалу, поднял и посмотрел некоторые кусочки и камушки, спрятал в карман три или четыре маленькие фигурки и собирался уже уходить, но тут заметил металлическую табличку, лежащую под кучей скелетов. Осторожно, чтобы как можно меньше тревожить древний прах, он вытащил табличку и осмотрел её. Ничего особенного. Обычная книга с символами, каких он немало нашёл при астробиблиотеке, только выполнена на металле. «Но раз табличка нашлась в таком месте, то, значит, она представляла ценность для царской фамилии», – рассудил он и кинул в рюкзак. Больше во дворце делать было нечего. Кочевники, сражаясь за свою веру и меру с воинами секты Паука и царскими сборщиками налогов, полностью разрушили город, увезя отсюда запасы пищи, женщин и твердые драгоценные камни. Зиндрик предположил, что затем кочевники или растворились в пустыне или ушли в неё настолько далеко, что изучать их историю Академия Поиска будет уже в будущем, когда летательные корабли смогут покрывать значительные расстояния и их планета будет открыта полностью. С этими мыслями Зиндрик покинул дворец. Следовало возвращаться на базу и копить ресурсы для далёкого перехода.

Вторую половину дня Зиндрик восстанавливал колодец и настраивал ловушки. Копать одной рукой оказалось чудовищно неудобно, но он не останавливал работу вплоть до наступления сумерек. Решив копать чуть выше по течению подземного ручейка, Зиндрик отмерил двенадцать шагов и воткнул лопату прямо возле стены астробиблиотеки. Древние библиотекари использовали грунтовые воды для сооружения питьевых фонтанов, один из которых исследова-

тель и обнаружил сегодня под завалами книг. Когда яма под колодец была готова и лопата Зиндрика обнаружила пустоту коллектора, туда сначала заглянул глаз фонаря, а потом туда упала канистра, привязанная к шнуру. С одной беспалой рукой зимбр не осмелился без лестницы прыгать вниз и поэтому он ограничился вытаскиванием мокрой глины, которую тут же отжимал в имеющиеся сосуды. Когда закончились вечерние сумерки, Зиндрик подсчитал собранные капли воды и понял, что весь завтрашний день придётся потратить на её дальнейший сбор. Два зэ воды он отфильтрует через ткань жилета и вскипятит, но канистру перед походом потребуется наполнить до крышки. Он отрезал кусок шнура и распустил его. Надежда поймать ещё парочку хвостонотов не оставляла его. Солёное мясо кронга, несмотря на консервант, кажется, уже начинало портиться.

Завершив бытовые дела, Зиндрик слегка обмыл и перевязал распухшую кисть. Ночь, пришедшая с бескрайних пустынь, опускалась на разрушенный город. Молодой зимбр достал найденную в царском дворце книгу и принялся, спасибо Зимри за таблицы, её расшифровывать. На этот раз исследователю повезло: ему попала табличка с разумовольными формулами, содержащая мудрость, то есть то, ради чего они с Имбргом проделали такой длинный путь. В своё время Ирту Зимри удалось подобрать аналоги древних абстрактных понятий, и в этой связи смысл написанного становился более-менее ясен. Приблизительный перевод металлической таблички напоминал общую инструкцию к поведению в жизни, и гласил:

«Не причиняй зло зимбру, животным, Великой Пустыне. Это стрела разума. Зимбр не должен быть рабом или жрецом, но должен остаться зимбром. Это стрела воли. Зимбр должен знать, что он не сын тьмы и не сын подземного царя, но рождён Пустыней для жизни в ней. Это стрела пути».

Сухой экстракт древней мысли понравился Зиндрику. Впрочем, на похожем принципе и была организована жизнь в обществе Зимму. Не удивительно, что похожие мысли сформулировали и здесь и там почти одновременно. Тупиковые ветви существования обрывались быстро, и этого не мог не заметить неизвестный мудрец города Паука. Единая дорога жизни начиналась и заканчивалась прямой и широкой, и уходила бесконечно вдаль. Туда, куда, осознав разум воли, пойдут новые зимбры, и каждый их шаг не свернёт с этой хорошей и правильной дороги, проложенной самим ТА в сердце каждого.

Разговор с ТА

Ночью опять был ураган. Но, благодаря тому, что новый колодец находился у стены и ветер дул с другой стороны, яма оказалась цела и Зиндрик смог продолжить заготовку воды. Еда заканчивалась, и он снова сделал заготовку для супа: отпилил от ног кронга узкие копыта, залил их утренним кипятком, добавил кусочек шкурки ящерицы. Хвостонogi опять не попались в петли, и это означало необходимость жёсткой экономии мяса кронга. Зимбр понял, что из этой части города ящерицы ушли и перенёс петли поближе к Площадке Трёх Алтарей. Там в одном из брошенных домов он заметил их помёт. Иногда ему на глаза попадались и белые черви, которые, непонятно чем, вообще питаются, выглядели бодрыми и упитанными. Поймав одного из них за нитевидный отросток, Зиндрик поджарил его на зажигалке, но съесть, по причине невероятно вонючего запаха, так и не смог.

Вернувшись к яме у стены, Зиндрик начал черпать сырую глину и отжимать её. Через два киломига он понял, что нужно менять технологию и пошёл на базарную площадь за хребтом ашкронга. Ещё в свой самый первый день пребывания в городе Зиндрик обратил внимание и запомнил, какой прочный и длинный позвоночник у скелетов вымерших ашкронгов. На базарной площади их валялось достаточно много. Решив использовать хребет в качестве лестницы, он обломал рёбра и череп с рогами, отсчитал пятьдесят позвонков и отсёк нужную часть, притащил её к яме и опустил хребет внутрь. По белым и крепко сидящим на оси позвонкам Зиндрик спустился на дно колодца в коллектор и приятно удивился. По краям маленького подземного ручейка росла небольшая колония съедобных грибов. Теперь становилось понятно, чем питались хвостонogi. Впрочем, они не брезговали и червяками. «Грибы – это хорошо! Если сходить за свежими докку, то, пожалуй, их можно будет вместе потушить,» – раздумывал Зиндрик, раскапывая глину на дне коллектора. Когда показалась совсем уже мокрая глина, Зиндрик от удовольствия даже зашипел мелодию. Воды оказалось достаточно. Грибов же он нарезал полрюкзака.

После полуденного супа он опять приступил к заготовке воды и полностью её завершил. Мысль использовать позвоночник хищника в качестве лестницы оказалась удачной – он с относительной лёгкостью весь день лазил по ней вверх и вниз пока не наполнил термос, канистру и флягу. А потом ещё времени хватило сходить в предместье на дикое поле, выкорчевать несколько докку и закончить огненную букву. Вечером, уже после заката Зиндрик собрал рюкзак и заполнил мешок. Он решил взять с собой только необходимое: еду, воду, лопату и блокнот. Содержание важных книг было скопировано на последнюю страницу блокнота. До ночи Зиндрик переводил, принесённые из залов астробиблиотеки глиняные книги, но в основном они представляли собой малосодержательные записи: административные приказы и жреческие наставления, долговые расписки, учёт животных и товаров. И, тем не менее, даже они будут представлять ценность для восстановления истории, но, конечно, тогда, когда до них доберётся новая экспедиция Академии. А для этого требовалось выбраться отсюда или хотя бы донести сообщение. Зиндрик кратко, как и его предшественник, записал все события последних дней, свои наблюдения и мысли, запечатал в термос вместе с записками и копиями таблиц Зимри. После чего занёс термос на второй этаж и оставил его в глухой комнате. Вернулся в подвал, закрыл люк. Предстояла очередная ночь, а завтра он планировал пройти максимум от дневной расчётной нормы шагов.

Острый горячий воздух дюн обжигал ноздри. Зиндрик вытряхнулся из мешка, и сразу начал готовить остатки еды. После Быстрого Песка, в который он попал вчера, у него оставалась

открытая консервная банка. Кронга он давно доел. На дне жестяной банки среди крупниц зерна и жира плавали волокна мяса. По его расчётам до станции ещё около трёх дней пути, а из еды четверть банки и воды полфляги. Пустой термос сейчас лениво перекачивался в рюкзаке. Зиндрик вспомнил проклятый второй день и понял, что до станции он просто не дойдёт. Силы грозили покинуть его. После того как Быстрый Песок едва не похоронил его заживо и лишил воды, следовало кардинально менять маршрут и поворачивать назад, обратно в город. Зиндрик залил банку водой и слегка подогрел. Жир всплыл вверх и теперь блестящими вкусными глазами смотрел на истощённого зимбра. Маленькими и медленными глотками Зиндрик отпивал из банки. Руки тряслись и грозили расплескать питательную жидкость. Наконец острое чувство голода слегка притупилось, и Зиндрик прилёг на утренний песок и начал вспоминать вчерашний вихрь.

Первый день пути казался лёгким. Зиндрик шёл по пустыне в старых, но целых ботинках без шипов. Он шёл в правильном направлении, жёстко экономил воду, отдыхал в тени дюн и надеялся быстро дойти до станции за расчётное количество зенитов. Но уже утром следующего дня на горизонте начали появляться маленькие чёрные тучки. Сначала они никак себя не проявляли, но потом сразу же стали сливаться в единое целое, которое уже к середине дня заполнило собой небо. Солнце исчезло, а с неба посыпался песок. А потом горящие мелкие крупницы со скоростью метеоритов начали хлестать Зиндрика, оставляя рубцы на обожженной коже лица. Мгновенно Зиндрик начал задыхаться. Горизонт исчез полностью. Остервенело махая лопатой, он сначала погрузился в дюну по пояс, а потом просто лёг в яму и накинул сверху мешок. Мелкий, забивающий рот и дыхательные пути, песок пробивался даже через синтетическую ткань мешка. Сердце стучало в голове, виски разбухли и скоро Зиндрик потерял сознание. Очнувшись он в полной темноте, и всё тело его оказалось прижато толстым слоем песка. Подкопав немного, он, прежде всего, потянулся к фляге, нащупал её. Канистра на спине тоже оказалась цела, но даже через ткань жилета Зиндрик чувствовал спиной страшный и мокрый холодок. Каким-то невероятным образом повредились крышка и теперь из канистры в землю просачивалась вода. Могучими и резкими толчками Зиндрик раскидал ногами песок и вырвался на поверхность. Когда он закрыл рукой щель между крышкой и горлышком канистры, воды в ней оставалось уже совсем мало. Это было отчаяние, грозившее стать трагическим. Тогда жутко хотелось пить, и он допил эти остатки.

Теперь, когда надежда дойти до станции, ушла в землю вместе с трудом добытой питьевой водой, требовалось принять не менее мужественное решение возвращаться назад. Зиндрик отшвырнул ногой пустую консервную банку в сторону Зимму и повернул назад. Полфляги, чтобы не сойти с ума от нехватки воды, следовало растянуть ровно на два зенита, а сделать это оказалось сложно. В пустыне, по которой он шёл, погода часто менялась, мелкие бури уступали место Быстрому Песку и наоборот. Перманентно хотелось пить, но Зиндрик не останавливаясь, словно мощный ашкронг или современный корабль шёл назад в сторону города. Пока внутри фляги плескалась вода он медленно, но верно брёл в обратную сторону. Повреждённую канистру он выбросил – лишняя тяжесть. В конце второго дня обратного пути начало притупляться сознание и стали мерещиться миражи. Зимбр несколько раз молил ТА о спасении. В Зимму считалось, что беспокоить ТА можно лишь в исключительных и чрезвычайных случаях, и сейчас наступил именно такой момент. Зиндрик шёл по пустыне и разговаривал с ним. И ТА отвечал ему, поддерживая Дух.

Вечер. Новая буря, и тут ему повезло, не успела разыгаться в свою полную мрачную силу и, отравленный песком, но не сломленный Зиндрик увидел знакомое овощное поле. Из рыхлого мягкого песка наружу торчал короткий оранжевый кончик докку, и пытался аккумулировать из вечернего воздуха немного влаги. Зиндрик заметил его ещё издали. Одиноким и полностью погружённый в песок докку напоминал его самого. Вот он точно также тянется к воде, жадно хватая молекулы из инертного и сухого воздуха пустыни, чтобы передать их дальше

к корневищу. Зимбр дошёл до докку, и упал перед ним на колени. Истощёнными руками он опёрся в песок, а сам наклонился и впился зубами в овощ, а затем вырвал его из земли и принялся жевать. Почти сухой дикий корень делился с ним несколькими каплями воды. Зиндрик жадно проглотил эти несколько капель, но силы, заключённой в них, хватило на то, чтобы пересечь поле и спрятаться в ближайшем подвале.

Пережив свою самую голодную и беспокойную ночь, Зиндрик проснулся внутри импровизированного солнцезащитного убежища от какого-то шуршания. От сухости приклеился язык, перестала вырабатываться слюна, и обострился слух. В тёмном подвале он уловил лёгкое шуршание и достал фонарик. Слабая вспышка синего цвета и фонарик, подарив зимбру мгновение света, навсегда умер, разрядившись. Это мгновение дало Зиндрику очень много. Он успел рассмотреть в маленьком подвале две важные вещи: бегающего вдоль стен хвостонюга, и дыру через которую он сюда проник. Сначала голый пяткой, а затем и рюкзаком Зиндрик забил дыру в стене, а сам принялся ловить хвостонюга. Ящер бегал быстро – это была молодая особь, но, наконец, голодному зимбру удалось прижать его коленом и отсечь голову. Холодная густая кровь хвостонюга пачкала губы, брызгала на лицо и затекала в рукава инструментального жилета. От ящерицы дурно пахло сырой землёй, грибами, червяками и ещё неизвестно чем, и всё-таки она утолила, таким образом, самый первичный приступ голода.

Зиндрик открыл крышку подвала и запустил внутрь горячего утреннего воздуха. Ловля бойкого хвостонюга также отняла силы, и теперь они медленно восстанавливались, переливаясь из холодной и медленной крови животного в горячую и быструю кровь оставшегося в живых зимбра. Теперь можно возвращаться в город к колодцу, и опять, опираясь, беспалой рукой на хребет ашкронга, спускаться в коллектор. Становилось понятно, что на ржавой воде и редких хвостонюгах с малопитательными докку он долго не проживёт. Тем более что докку попадалось всё меньше, хотя он уже почти полностью перекопал это небольшое поле. Оставались грибы, которые ещё нужно найти и червяки. Кроме того, начинался сезон бурь, а это означало, что предпринимать вторую попытку перехода к станции подскока было преждевременно и опасно. Необходимо выждать завершения сезона бурь, а это означало остаться в городе ТА ещё на десяток мегамигов. От тоски Зиндрик подобрался ближе к свету, и начал листать блокнот, в который заносил самое главное, что с ним происходило за последнее время. В той древней металлической книге, которая осталась в астробиблиотеке, говорилось, что он «рождён Пустыней для жизни в ней». Это наводило на размышления, и он делился ими с ТА.

Вдруг поднялся небольшой ветерок. Снаружи явно что-то начинало происходить, послышалось завывание ветра. Через люк в солнцезащитном убежище прямо на страницы блокнота начали сыпаться песчинки. «Опять буря?» – подумалось Зиндрику, и он закрыл люк. Сидеть днём в темноте, пережидая бурю, когда сравнительно недалеко отсюда в городе есть большое обжитое солнцезащитное убежище с колодцем неподалёку, казалось весьма тоскливым. Шум снаружи быстро приближался и усиливался. Ветер подул ещё сильнее и сквозь его свист Зиндрику почудился звук работающих винтов. Вне себя от волнения зимбр поднялся и откинул крышку люка.

Корабль!

Действительно на овощное поле приземлялся грузовой корабль. Истощённый зимбр смотрел на него во все глаза. Шум и ветер, создаваемые мощными двигателями корабля, буквально сметали с поля всякий мусор и разбрасывали песок. Наконец, современное грузовое судно приземлилось на выдвижные опоры и застыло, занимая собой всё поле. На корабле стоял стандартный знак Зимму – многолучевая звезда. Зиндрик понял, что ТА внял его молитве и послал избавление. Когда из брюха грузового корабля выскочила пластина трапа, Зиндрик уже вылез из подвала и теперь, весь оборванный и исцарапанный шёл навстречу своему спасению.

Открылся люк верхней палубы и по трапу вниз сошли два пилота. Оба они были подтянуты, молоды и сильны. Когда они заметили Зиндрика, один из них выхватил оружие и направил его на исследователя.

– Ты кто, зимбр? Не подходи, отвечай!

Зиндрик действительно выглядел странно и даже дико. Он стоял весь в крови хвостонoga, на плече лежала его тушка, а беспалая рука висела на перевязи. Тяжёлые ботинки молодой зимбр выбросил ещё в пустыне.

– Зиндрик. Академия Поиска. Секция артефактов, – устало, но отчётливо ответил он и упал на землю.

Тяжёлый, загруженный красной рудой, грузовой корабль поднялся вертикально вверх. Повисев немного в сухом воздухе над предместьем города ТА, он выпустил горизонтальные сопла и за считанные мгновения облетел город вокруг. Сверху он казался утопленным среди огромных дюн, и лишь внешняя стена образовывала собой правильный квадрат да снизу грозили небу несколько башен. Корабль, сделав над городом круг, набрал скорость и полетел в сторону транспортного коридора Зимму-Остров. Зиндрик, держа на коленях два термоса, смотрел через боковой иллюминатор на море песка. Один термос уже был ему знаком. Мягкий и потёртый он хранил в себе записи Ирта Зимри и свои собственные, а во втором термосе, который ему подарили пилоты, булькала вода. Холодная вода с лёгким фруктовым вкусом. Солнце держало свой обычный курс, и грузовой корабль, ежемоментно корректируя свой полёт, скользил по его внутреннему радиусу.

С улыбкой Зиндрик в который раз слушал рассказ молодого пилота о том, как грузовой борт отклонился с транспортного коридора выбросить шлам красной руды и с воздуха обнаружил солнечный блик. Заведомо зная, что никакой случайный предмет в пустыне не может отразить солнечный луч, он снизился и тут увидел первую огненную букву. Пилот взволнованно говорил Зиндрику, что сначала подумал о его сумасшествии, так как без воды здесь выжить вообще нельзя и нигде спрятаться утром. Но Зиндрик лишь устало улыбался и крутил в правой руке хронометр Имбрга, несколько зенитов назад бережно уложенный на маленький глиняный столбик на окраине города.

Минск, ноябрь 2013г.

Химеры болот

1

Лучи тропического Огнесолнца пронизывали зелёный хаос Дождёвого Леса. Рассеиваемые кроной высоких деревьев, они, отражаясь в каплях росы, висевшей на ветвях и листьях, проникали на нижние уровни леса и тонули в густой траве. Среди плавающих в лужах ярких листьев рождались новые насекомые. А на толстых стволах, обросших пушистым мхом, висели гибкие, наполненные соком лианы, с трудом удерживаемые коряжистыми ветвями. Всё казалось пропитано водой: стебли растений и кора деревьев, почва и мхи, воздух и дыхание живых существ. Кусты и трава, тесно сплетаясь между собой, почти полностью скрывали узкую лесную тропинку, идущую параллельно Чёрной Реке от Коарума к охотничьим угодьям. На тропе часто встречались грызуны, муравьи и змеи. Им очень нравилось чувствовать на своей чешуйчатой коже горячие прикосновения Огнесолнца – центрального божества болотных охотников, группа которых, медленно и осторожно двигалась в сторону кормёжки лумов. Девять охотников, чьи бронзовые фигуры покрывали узкие полоски животных шкур, были хорошо вооружены метательным колющим оружием. У всех на шее и на конечностях висели ожерелья из когтей и клыков дичи, обитающей в крае Больших Болот. Дополнительно они смазали свои тела тонким слоем болотной тины, смешанной пополам с грязью, для маскировки и скрывания сильного запаха, столь свойственного клану рептилоантров – потомственным охотникам на рептилов. После окончания весеннего половодья они, как и все живущие в Дождёвом Лесу болотные антры, вышли на охоту и сейчас, держа наготове оружие, готовились в любое мгновение обменять свою острую и сжатую энергию на кусок сырого мяса.

Стрела с раздвоенным костяным наконечником ушла вертикально вверх и, разорвав при этом несколько широких пальмовых листьев, впиалась в нечто живое, затаившееся в кроне дерева. Громкий и дикий визг от резкой боли, раздавшийся откуда-то сверху, заставил вздрогнуть всю группу охотников. Из листвы показалась оскаленная морда раненого лума. Зверь лапой пробовал вырвать из раны догнавшую его смерть. Один из рептилоантров уже вкладывал в тетиву две новых стрелы, когда лум обломил древко и попытался прыгнуть на лианы соседнего дерева. В этот момент уже все охотники успели натянуть луки, и прыжок крупного лума-самца на соседнее дерево оказался прерван десятком метких попаданий. Не допрыгнув до более высокого дерева, смертельно раненый лум падал с высоты, на своём пути ломая ветки и обрывая листья и пучки тонких лиан. На колючую траву, растущую вокруг своего дерева, он упал уже мёртвым и весь растительный мусор, захваченный им при падении, ещё некоторое время сыпался на него сверху. Толстая пальма, несколько лет бывшая для лума жилищем, не только не спасла его своими широкими листьями от цепких глаз группы болотных охотников, но и выдала его обилием полусъеденных плодов, валявшихся вокруг ствола. Держа наготове копья, охотники приблизились к добыче и поняли, что помешало самцу совершить длинный прыжок и спастись бегством. В длинной и волосатой лапе убитый лум держал суковатую палку с осколком камня, воткнутым в её расщеплённый конец.

Напившись тёплой, начинающей густеть, крови, рептилоантры сняли с лума шкуру и поделили мясо. Самый большой кусок достался Аруму как первому охотнику, попавшему в цель и ранившему зверя. Мясо его семье было необходимо, ввиду немощи отца и юности сестры, а его ловушки на рептилов вот уже несколько дней оказывались пусты. С пищей к концу весны оказалось достаточно сложно: клубни съедобных лиан ожидалось выкопать только через две луны, зубаток съели два дня назад, а горшок муравьёв утром склёвали домашние птицы. Новые костяные стрелы оказались удачливее, чем ловушки на Чёрной Реке и Арум решил

обменять на базаре Коарума часть мяса на их новую связку. Завернув каждый своё мясо в пальмовые листья, охотники продолжили путь, но, проблуждав по лесу ещё несколько часов, догадались, что лумы, почуяв опасность, ушли в Дикий Лес. Рассчитывая выйти из леса до наступления сумерек, охотники решили заночевать в Коаруме. Группу рептилоантров, охотившихся в Дождевом Лесу, возглавлял Аккрум – опытейший воин и вождь клана. Только у него на ожерелье висели зубы кровоклыка-антроеда, добытые им несколько зарубок назад.

– Мы идём в Коарум и будем там ночевать, – сообщил Аккрум группе. – В лесу не остаемся. С новым кругом Огнесолнца пойдём обратно в родовой посёлок.

– Аккрум, мяса одного лума недостаточно для посёлка, где мы добудем больше? – спросил один из охотников.

– На обратном пути проверим ловушки!

– А если они окажутся пусты? – вновь спросил вождя охотник.

– Тогда он заколет тебя, а в деревне скажет, что добыл крупного лума! – с улыбкой заметил Аккрум.

Все охотники засмеялись – они знали, что через пару лун наступит длинное лето и мяса самого разного происхождения будет достаточно. Рептилоантры, повернули по тропе обратно, оставляя на влажной и узкой полоске земле неглубокие отпечатки когтистых ног.

Болотные охотники двигались цепью: впереди шёл, опытным глазом скользя по зарослям, вождь рода Аккрум, за ним семь охотников, а замыкающим шёл Арум. На деревянных частях оружия каждого члена группы был вырезан крест – общий символ болотных охотников. Образованный всего двумя ровными линиями, крест, в представлении шаманов Великой Змеи, Кровоклыка и Трясинного Рептила являлся символом Огнесолнца и помогал всем антрам в добыче. Держа в ловких и сильных руках копьё, не раз протыкавшее кожу рептилов, Арум нёс за спиной, завёрнутое в листья, мясо и думал о крае Больших Болот, в котором он родился и стал мужчиной.

Полноводная Чёрная Река, протекавшая через Большие Болота, образовывалась ручьями где-то в сердце Рыбного Озера, находящегося у подножья гор, и вытекала из него уже чёрной. Цвет широкой, в два полёта стрелы, реке придавала взвесь ила и почвы, в трещине которой она текла. Неся свои чёрные волны далеко за Дождевой Лес, она терялась на огромных зелёных просторах. Шаман Великой Змеи, живший на окраине изведенного болотными охотниками мира, в одно из полнолуний сообщал, что Чёрная Река втекает в огромное озеро на Зареве. Дождевой Лес, раскинувший свои широкие зелёные ладони по обоим берегам Чёрной Реки, обильно снабжал болотных антров растительной и животной пищей. Живущие здесь кланы, веками удачно охотились в этих местах на плотоядную и копытную дичь, ловили рыбу и собирали туманный нектар. Не раз в полнолунные ночи, клыкастые рептилоантры приносили за это своим божествам, прежде всего Огнесолнцу и Великой Змее, жертвы. Вот и сейчас, с приближением тропического лета, Арум, идя по тропе за группой, думал о необходимости принесения жертвы Огнесолнцу, чтобы сделать это лето сытым и безопасным.

– Аккрум, как объяснить, что лумы всё чаще используют для защиты палки и камни? – вновь задал вопрос любопытный охотник. До Коарума было уже недалеко и, чуть ослабив внимание, охотники позволили себе непринуждённый разговор.

– Они научились этому у антров, – отвечал Аккрум любопытному охотнику.

– Да! Горцы не охотятся на лумов, – ввязался в беседу ещё один из рептилоантров. Он шёл перед Арумом и рука его, всё ещё помня укусы зелёной кошки, не отпускала рукоять костяного ножа.

– В Лианном Лесу на холодной стороне Чёрной Реки я видел лумов, смотрящих с деревьев как работают горцы, – ввязался в разговор Арум, опираясь на копьё.

– А что ты делал в Лианном Лесу? – спросил Аккрум.

– Наверное, Арум добывал там нектар?! – подтянулся, покусанный кошкой, охотник. Весь разговор происходил на ходу. Идя по лесной тропе, рептилоантры раздвигали ветви над тропой и уже предвкушали ночлег, вспоминая о таком удовольствии как нектар у костра. Идти оставалось уже не долго, и разговор становился всё громче и веселее.

– Аккрум, я проверял там свою дальнюю ловушку, – начал рассказывать Арум группе, – прошлой зарубкой я добыл там крупного рептила. Чёрных пчёл там нет. А вот горцы-водопоклонники начали что-то строить этой весной из дерева и травы.

– Какие у них орудия для строительства? – спросил Аккрум, – рубить весной хвост-траву очень тяжело!

– Водопоклонники использовали каменные топоры!

– И лумы смотрели на них?

– Да, Аккрум, и повторяли некоторые движения! – отвечал Арум.

Вождь клана охотников на рептилов сильно задумался. Идя по узкой охотничьей тропе, уже выходящей на очищенную от деревьев поляну, он обернулся к группе рептилоантров и отчётливо произнёс:

– Горцы не нравились мне никогда с тех самых пор как они вернулись в край Больших Болот, – отрывисто повествовал он группе. – Мой дед оказался первым, кто увидел их. Это были длинноволосые антры со светлой кожей. Они спустились с гор пять зарубок тому назад, когда засуха погубила их кусты белого зерна и сразу начали строить в Лианном Лесу жилище для своего божества.

– Они не поклоняются Огнесолнцу? – спросил, покусанный кошкой, рептилоантр, всё ещё нервно прикасаясь к ножу. Аккрум, немного помолчав, ответил:

– Нет! Огнесолнцу поклонялся мой дед, поэтому и убил первого горца, ступившего на нашу землю, – оскалив клыки, жёстко ответил вождь. – Но водопоклонники не вступили с нами в бой. Ощетинившись оружием, они обогнули посёлок и ушли в Лианный Лес.

– Это недостойно воинов! – заметил Арум.

Аккрум остановился. Поляна, на которую вышли охотники, начиналась огородами зерна и клубней. Здесь загорелые женщины Коарума выращивали овощи к тому мясу, что сумели с кровью выдрать из леса их мускулистые мужчины. Здесь бродили домашние птицы, лениво ковыряясь в земле, и голые дети собирали муравьёв среди сушившихся на палках кож. В воздухе стоял стойкий запах тростникового дыма, выпотрошённой рыбы и подгоревшего мяса. Яркие мухи и крупные бабочки кружили возле, окружённого заточенными деревянными кольями, Коарума – крупного охотничьего посёлка, располагающегося на большой поляне, выходящей со стороны Холода на берег Чёрной Реки.

– Нет, – ответил, наконец, вождь своим рептилоантрам, – они воины. Тогда шаманы объясняли нам, что они по-другому видят мир, не так как мы. Они общаются только со своим божеством. Он у них только один – Дух Воды.

– Мы не знаем такого божества! Аккрум, а что наш клан сделал с убитым горцем? – спросил Арум.

– Его тело шаман принёс в жертву Трясинному Рептилу, – спокойно ответил вождь и добавил: – На вкус оно напоминало лума.

Охотники вошли в Коарум через единственные, смотревшие в Дождёвой Лес, ворота в частоколе. Сумерки ещё не начались, и в посёлке оказалось достаточно много, занимающихся разными делами, антров. На пути к гостевому шалашу, который кланы болотных охотников строили из нескольких конусообразно выстроенных жердей, Аккрум и ещё несколько рептилоантров встретили знакомых охотников. Один из них дружески приветствовал Аккрума и повёл группу между жилищ в центр Коарума, мимо, занимающихся плодами и кореньями женщин.

Болотные антры – племя охотников, жило по берегам Чёрной реки в большой лесистой области под общим названием Большие Болота. Три родовых клана образовывали его: реп-

тилоантры, воины Змеи и воины Кровоклыка. Они жили вдоль Тёплого Берега Чёрной Реки в деревянных посёлках и занимались преимущественно охотой, но также рыбной ловлей, огородами и сбором сочных плодов. Каждый клан имел своё, охранявшее его тотемное животное и общее божество – Огнесолнце, которому поклонялись все без исключения болотные охотники. Культ Огнесолнца был относительно молод, но, появившись всего около двухсот зарубок назад, уже вскоре оказался принят всеми шаманами кланов, и с тех пор началось активное поклонение ему. Костёр, посвящённый Огнесолнцу, круглогодично горел в каждом посёлке болотных антров. Разложенный и углубленный в землю в форме креста, он раскладывался на камнях, сквозь щели которых просыпалась зола, и ежедневно пожирал большое количество дров. Возле костра обычно стояли шалаши вождя клана и действующего шамана Змеи или Кровоклыка, или, как для клана Аккрума – Трясинного Рептила. Вот и сейчас, пройдя в центр Коарума – посёлка охотников клана Великой Змеи, Арум с вождём и группой попали к такому воплощению Огнесолнца на земле – крестообразному костру Коарума.

Подойдя к оранжевым, облизывающим дрова, языкам пламени, вождь отрезал ножом от своей части мяса небольшой кусок сырого лума и бросил его в костёр в знак благодарности за удачную охоту. Охотники распределились по пространству вокруг костра: кто-то лёг на землю, положив рядом оружие, кто-то пошёл к ручью, а Арум, сняв лист с мясом, сел на землю у воплощения Огнесолнца и стал всматриваться в него. К охотникам подходили жители Коарума, рассказывали последние новости, предлагали обмен. Вождь Аккрум беседовал со знакомым охотником и искал среди антров вождя клана.

– Арум, тебе были нужны стрелы? – обратился, укушенный зелёной кошкой, охотник к рептилоантру, сидящему у костра. – Подойди к антру, чистящему кожи.

Арум поднялся, взял с собой оружие и мясо, по-прежнему завернутое в пальмовый лист, и подошёл к одному из охотников Коарума, вычищавшему скребком внутреннюю сторону бурой чешуйчатой кожи рептила.

– Слава Огнесолнцу, – обратился к нему Арум. – Мне нужны стрелы с зазубренной костью. У меня есть мясо.

– Клади половину мяса сюда, – указал, оторвавшийся от работы, житель Коарума, – но готовых стрел осталось мало. Подожди здесь.

С этими словами охотник ушёл в свой шалаш, а Арум развернул лист и поделил филе пополам, разрезая широким ножом мышцы и прожилки. Рядом валялась невыделанная кожа крупного рептила, напоминающая Аруму, как однажды он сам едва не стал жертвой подобного хищника. Вскоре из переплетённого ветвями шалаша вышел, держащий в руках тонкую связку стрел, выделщик кож и вручил её Аруму. Стрелы были сделаны качественно, острые костяные наконечники уверенно держались на полированном тонком древке, у основания которого крепилось белое оперенье.

– Стрелы хорошие, но их мало, – заметил Арум, вкладывая связку в свой кожаный колчан.

– Часть готовых стрел вчера потратили на охоте, – ответил охотник Коарума и добавил: – Но я знаю, где находится новое гнездо чёрных пчёл!

– Говори!

– В Лианном Лесу сразу за бродом у Рыбного Озера, – охотник Змеи поделился с рептилоантром ценными сведениями. Арум поблагодарил его и вернулся к группе, уже собирающейся на ночлег среди быстро опускающихся на посёлок тропических сумерек.

К шаману Великой Змеи Арум пришёл уже за полночь. После того как костёр перед гостевым шалашом начал угасать, и охотники вместе с Аккрумом стали размещаться на ночлег, забираясь в горизонтальные насесты, подвешенные над землей и закрепленные на сваях шалаша, рептилоантр скользнул в темноту и добрался до центра Коарума. У крестообразного костра Огнесолнца на корточках сидел шаман, весь завернутый в змеиные кожи, и что-то выка-

ливал тонкой косточкой на плоской деревянной дощечке. У костра больше никого не было – завтра собирался новый день, полный труда и работы для реализации насущных потребностей. Начиналось тропическое лето, а это означало поднятие уровня воды в Чёрной Реке, влекущее за собой новую цепь задач по выживанию.

Шаман сидел возле вертикально установленного у костра высокого, испещрённого зарубками, бревна, на котором вот уже много времени болотные охотники отмечали цикл природы – полную воду. Его тело покрывали узоры, укусы насекомых, а на плече, умышленно не прикрытом одеянием из пятнистых кож, виднелся шрам от укуса Великой Змеи, благодаря которому, он и оказался выбранным на исполнение культа. Более десятка зарубок тому назад, на тогда ещё обычного рыбака, которой сидел над ручьём с острогой, напала Великая Змея и выбрала его, таким образом, среди прочих. Шаман был стар – у него уже выпали клыки и побелели волосы. Он сидел у костра в змеиной маске и выкалывал на дощечке одному ему ведомые цепочки точек.

– Слава Огнесолнцу! – приветствовал Арум ведущего, как и все шаманы болотных антров, ночной образ жизни. – Арум из клана рептилоантров приветствует тебя, шаман Змеи.

Шаман на время отложил своё занятие и посмотрел на вышедшего из темноты охотника. На него смотрел сильный и молодой антр; в свете ритуального костра его кожа выглядела горячей, на руке у него висел костяной нож, а за спиной маячили копье и колчан. Шаман махнул ему рукой, приглашая разместиться рядом с собой.

– Ты сын Аккрума? – осведомился шаман у рептилоантра.

– Нет, шаман, я сын Арума-охотника, – ответил молодой антр и присел рядом с ним, положив на землю оружие. – Отец немощен, у него холодная болезнь.

– Холодную болезнь не вылечишь – это проклятие.

Арум зачерпнул горсть золы и медленно высыпал её через сжатый кулак на землю.

– Шаман Великой Змеи я пришёл к тебе не за этим!

– Что ты хочешь знать, сын Арума-охотника? – шаман окончательно оставил выкалывание точек на дощечке и повернул в рептилоантру лицо-маску. Сквозь прорези для глаз в тонкой чешуйчатой коже на Арума смотрели запавшие чёрные глаза.

– Я хочу знать кто такие горцы! – энергично воскликнул Арум.

– Ты уже видел их?

– Да, я однажды видел, как они работали. Я иду в Лианный Лес за туманным нектаром...

– Горцы не считают болотных охотников своими врагами. Зачем тебе знать о них? Когда-то они жили среди нас в Коаруме, но, обезумев, покинули посёлок, – шаман медленно выговаривал слова.

– Почему?

Шаман задумался. Долгое время он и сам не мог этого понять. Очень давно горцы покинули край Больших Болот. Ушли в горы, стали выращивать там зерно и строить жилища. Поклонение одному божеству – Духу Воды, привело часть болотных охотников к изгнанию из Коарума. Великая Змея не простила им отступничества от веры в себя как части Нижнего Мира.

– Они отвергли поклонение Огнесолнцу и другим божествам: Великой Змее, Кровоклыкку и Рептилу. Действующий шаман Змеи разрешили им уйти в горы. Это случилось давно, – рассказывал старик и, указывая тонкой костью на глубокую зарубку в самом низу бревна, добавил: – Восемь антровских жизней назад, в зарубку Красной Молнии.

Арум всё это время внимательно слушал и перебирал золу. Этот рассказ почему-то сильно волновал его. Длинноволосые, давно ушедшие в горы, горцы будили в его крови загадочные мысли. Все антры происходили от одного корня – так говорили шаманы, и светлокожие длинноволосые горцы не являлись исключением. Их водопоклонничество стало наваждением ночи и размыванием дождя, ведь, отрицание Огнесолнца не имеет смысла, ввиду его каждоднев-

ного явления любому антру. Утром оно рождается из вод огромного озера на Зареве, а в конце каждого дня скрывается за горами. Дети Огнесолнца из Верхнего Мира живут в каждом костре и помогают антрам готовить пищу.

– Тогда клан рептилоантров враждовал с сынами Кровоклыка. В ту зарубку Красная Молния убила вождя Змеи во время большой охоты на лумов. Это означало великий гнев Огнесолнца на болотных охотников. Чтобы его умиловать, необходимо было принести в жертву молодого антра, – рассказывая предание седой старины, шаман всматривался в пламя костра, и периодически его маска озарялась искрами от подбрасываемых веток.

Арум слушал молча, иногда задавал вопросы. Его интерес к горцам продолжал усиливаться.

– И жертву принесли? – спросил он у шамана Великой Змеи.

– В то время четыре молодых антра было принесено в жертву всем божествам. Но часть охотников, верующих Духу Воды, отказалась участвовать в обрядах, они говорили, что такие дары никому не нужны, тем более Огнесолнцу, – отвечал старик.

– И они ушли?

– Да, чтобы не заливать Коарум кровью, шаман сказал им уйти в горы. Удар Красной Молнии – очень дурной знак.

– Но с тех пор утекло много воды.

– Да, они взяли своих женщин и детей, и ушли в горы за Рыбное Озеро. Основали там новый род, стали выращивать белое зерно. Построили жилище своему Духу Воды и надолго растворились в горах. Водопоклонники не отдают рептилам своих мёртвых, как это делаем мы – Дух Воды запрещает им это. Они верят, что мёртвые проснутся и поэтому строят им деревянные могильники, – шаман по-прежнему всматривался в огонь, – своих мёртвых они называют Окаменевшими.

Арум бросил перебирание золы и также смотрел в пламя костра, посвящённое Огнесолнцу. Он много узнал о горцах, но любопытство ещё не удовлетворилось. Болотный охотник интуитивно чувствовал скорое приближение важных событий и старался их осмыслить:

– Шаман Змеи, водопоклонники не охотятся и не поедают лумов. Сегодня я видел лума с палкой в лапе и знаю, что это он это подсмотрел у горцев!

– Ты прав, сын Арума, они считают лумов подобными себе и не едят их мясо. Дух Воды запретил им употреблять в пищу подобных себе. За последние три зарубки много лумов ушло по этой причине из нашего Дождя Леса, – шаман прекратил созерцание огня и, снова взяв в руки косточку и дощечку. – Арум, славь Огнесолнце, давшее тебе жизнь и Великую Змею, сделавшую тебя охотником! Что ещё ты хочешь знать об одержимых Духом Воды?

– Как можно считать лумов подобными себе?! – воскликнул потрясённый Арум.

– Водопоклонники считают, что лумы разумны, – ответил ему шаман, – что их можно обучить.

– Лумы могут только копировать движения!

– Охотник, это не совсем так – они ещё понимают слова.

– Горцы, что-то строят на берегу Чёрной Реки, – заметил Арум шаману, отлично знающему как горцев, так и всех живых существ, населяющих край Больших Болот. Рептилоантр уже поднимался от костра, давая понять, что ему надо идти.

– Сын Арума-охотника, горцы могут строить там могильники над землёй или дом Духа Воды, – шаман окончательно вернулся к своему занятию выкалывания точек.

– Шаман Великой Змеи, я благодарен тебе за сведения. Возьми что имею, – с этими словами Арум вынул из колчана, выменянные сегодня на мясо, новые стрелы и положил несколько их возле шамана. Частично затянутый в змеиную кожу, старик этого не видел, полностью погружённый в своё занятие он продолжал выкалывать точки. Рептилоантр же растворился в темноте, опускаящейся на Коарум глубокой ночи.

2

Огнесолнце в который раз вынырнуло из далёких вод Чёрной Реки и осветило Дождевой Лес. Шёл небольшой дождь и прозрачные, густо насыщенные зелёными оттенками, шарики воды капали с веток деревьев на широкие листья кустов и стебли трав. Со стороны ручья слышались разнообразные звуки, негромко пели остроклювые жёлтые птицы, а воздух постепенно наполнялся движениями крупных насекомых. Из-под большого, напоминающего голову антра, базальтового валуна выползла небольшая серая змея и поползла в лес. Коарум просыпался с первыми лучами своего божества.

Мокрое и тихое утро первого дня тропического лета принесло с собой печальную новость. Рыбака, отправившегося накануне на Чёрную Реку за черепахами, следопыты нашли окровавленным и лишённым обеих ног выше колена. Опрометчиво поедая заколотую острой рыбой, прямо на травянистом берегу болотистого рукава реки, рыбак подвергся, как всегда внезапно, нападению рептила. Потеряв ноги, рыбак смог на локтях вырваться из пасти и отползти в лес, после чего его нашла утренняя группа охотников Коарума. От сильной потери крови ему оставалось жить не более дня и шаман Великой Змеи, тот самый с которым ночью разговаривал Арум, принял решение отдать его Великой Змее. Жертвоприношение, приуроченное к полной луне, назначили на сегодня же. Плохо выспавшийся Арум, а также вождь Аккрум и другие рептилоантры совсем не обязаны были присутствовать на церемонии, ввиду того обстоятельства, что они исповедовали другой культ – Трясинного Рептила. Огнесолнцу Верхнего Мира поклонялись все болотные охотники, но тотем у каждого клана был свой.

Вождь Коарума разрешил Аккруму взять лодку, ввиду явного гнева Рептила на местных рыбаков. До Ахха – родового посёлка рептилоантров около дня пути, и Аккрум с самого утра решил увести группу туда через Дождевой Лес по берегу Чёрной Реки, на ходу проверяя ловушки на рептилов. Мясо убитого лума рептилоантры съели вместе со свежесобранными съедобными муравьями. Под мелким морозящим дождём рептилоантры раздули небольшой костёр и, пережёвывая белых муравьёв вместе с мясом, планировали охоту. Аккрум сказал группе, что возвращаться в Ахх без большой добычи нельзя и сообщил:

– Ты, ты и ты, пойдёте по берегу первыми. Проверяйте ловушки. Если увидите зелёных кошек – не жалеите оружия.

– Аккрум, дай нам ещё антра! Если молодые рептилы попались под брёвна, то нам понадобится ещё одно копьё.

– Берите Четырёхпалого, – закончил с едой вождь, – а с остальными поплывём на лодке вдоль берега.

– Аккрум, я знаю новое место гнездовья пчёл, – сообщил Арум вождю, – и хочу добыть там нектар.

– Это место далеко?

– Недалеко от Ахха, за бродом.

– Хорошо, без нектара не возвращайся. До Ахха доберёшься по берегу, а дальше сам.

Таким образом, распределив обязанности, группа собралась в путь. До берега Чёрной Реки идти недалеко и, оставив гостевой шалаш Коарума, рептилоантры ушли в мокрый лес. Дождь тихо и бесшумно насыщал зелёный воздух, но вскоре прекратился совсем. Петляющая тропинка к лодкам, привязанным к разлапистым береговым кустам, сначала привела их на бурый прибрежный песок, а затем, раздвоившись в стороны, оборвалась. Первая группа охотников в составе четырёх антров, свернув по тропинке, ушла влево. В их обязанности на сегодня входил осмотр ловушек из падающих брёвен. Придавленных рептилов предстояло вынуть из ловушек, сменить колья на бревне и заново насторожить их приманкой из привязан-

ной за ногу крупной лягушки. Часто в ловушки попадали и змеи и другие животные, но именно нежное мясо молодых, с ногу длиной, рептилов являлось особенно желанной добычей.

На берегу оказалась только одна лодка с вырезанным на ней крестом. Аккрум щёлкнул клыками. Обычная грузоподъёмность средней лодки болотных охотников составляла не более четырёх антров и, соответственно, всю охотничью группу взять на борт не могла.

Зачерпывая ладонями болотную грязь на берегу, и обильно намазывая ею свои загорелые тела, охотники, тем самым, обезопасили себя от возможного нападения разнообразных плотоядных животных. Путь до Ахха был не близкий, и до следующей еды ещё предстояло дожить.

– Арум, ты собирался идти за нектаром. Догоняй группу четырёхпалого, – обратился, укладывающий свой колчан на дно лодки, вождь. – Они ушли недалеко и до первой ловушки вы встретитесь.

– Хорошо, Аккрум, – ответил намазанный и, ставший от этого чёрно-зелёным, рептилоантр, – увидимся, когда Огнесолнце спрячется за горами.

Усевшись в лодку, вождь и три охотника оттолкнулись от берега копьями и сели за вёсла. Плыть предстояло против течения с короткими остановками. Обычно лодок по реке плавало много, изготавливаясь из лёгкого и пластичного дерева, они стали важным средством связи между Коарумом и Аххом – двумя поселениями болотных охотников. Третий же охотничий посёлок болотных охотников находился далеко на границе Дальнего Леса у пещер и водного пути к себе не имел.

На тропе Арум слегка задумался о том, стоит ли быстро бежать за охотниками и решил, что нет. Утром он слышал, что сегодня в жертву Великой Змее будут приносить смертельно раненого антра, и ему стал интересен этот обряд. Никогда ранее он не присутствовал на жертвоприношении культа Змеи. В своём клане он, конечно, неоднократно видел, как на похоронах рептилы хватают и тащат под воду маленькую лодку с покойником. Или, чтобы прекратить дожди в конце осени, приносилась жертва Трясинному Рептилу, который жадно глотал живую молодую плоть. Великая Змея также вызывала интерес его родового шамана, и Арум решил ненадолго вернуться в Коарум, чтобы самому увидеть обрядовое действие.

Великая Змея жила недалеко от Коарума в священной яме. Сама яма, судя по всему глубокая, представляла собой часть болота, окружённого невысоким лесом. Из болота вытекал небольшой ручей и, чуть извиваясь, в свою очередь впадал в один из рукавов Чёрной Реки. На небольшой поляне перед священной ямой стоял прочно вкопанный в землю древний столб, к которому слегка привязывалась жертва. Когда Арум вышел на поляну, то всё уже было готово: бледный и потерявший много крови раненый рыбак уже находился у столба и шаман давал ему выпить сладко-пьяного нектара. Жадно отхлебнув из плотно свёрнутой из листьев пиалы, рыбак закатил глаза. Шаман начал моление. Его тихое горловое пение и нектар действовали на рыбака усыпляюще. Ввиду того, что у него отсутствовали обе ноги, раненого антра не привязывали к столбу, он сидел возле.

После того как шаман закончил горловое пение, все населяющие Коарум болотные охотники, включая вождя и шамана, удалились с поляны в окружающий её густой кустарник и, став на колени и положив ладони на землю, принялись молча ждать. Арума, несмотря на то, что он принадлежал к другому клану, никто не заметил. Кроме того, он густо вымазался болотной тиной. Всё это время он слушал молитву шамана и не выходил на поляну из кустов. Некоторое время ничего не происходило. Рыбак уже полностью охмелел, и вяло рассматривал, окружающий поляну, лес. Некоторое время лес в его глазах представлялся нагромождением пятен зелёного, коричневого и рыжего оттенков, но затем из глубины этих пятен, не совсем чётко, но с каждым мгновением всё более различимо показалось длинное и толстое тело. Тело, мягко скользя по мокрой траве, медленно вылезало из ямы и, минуя трухлявые пни, зигзагообразно приближалось к столбу. Опьяневший от туманного нектара и обессиливший от потери крови, рыбак заметил шуршащую к нему гигантскую чёрную змею только тогда, когда она уже при-

близилась к нему на расстояние двух вытянутых рук. Молниеносно, ничего толком не сообразив и глупо улыбаясь, голова антра по плечи утонула в зубастой пасти, бесшумно схватившей его Великой Змеи. В момент захвата жертвы, наблюдающий всё это шаман, издал звук восхищения и упал ниц. Его примеру последовали все болотные антры вместе с вождём. И никто из них не заметил, как одиноко прижавшийся к ближайшему стволу дерева Арум – охотник на рептилов, натянув тетиву своего лука, целился костяным наконечником прямо в глаз Великой Змее. Огромная и чёрная, с тёмно-зелёным отливом чешуек, змея успела сорвать, ещё недавно бывшее рыбаком, тело со столба и потянула его в яму. Всё продолжалось несколько мгновений и затихло. Только в узкую, оставленную змеёй канаву, затекала болотная вода.

Арум опустил лук и ослабил тетиву. Его потрясла мощь и энергия крупного земноводного. Таких крупных особей он не видел ни разу за все свои двадцать пять зарубок молодой жизни. О таких змеях ему рассказывал только его дед, которому рассказывал в свою очередь его дед. Одного только не понимал рептилоантр, возвращаясь обратно на берег: какая существует взаимосвязь тотемов и Огнесолнца? «Ведь, если, Змея и Рептил дети Луны, то значит, Огнесолнце создало и её!» – рассуждал Арум сам с собой, передвигаясь по лесу. Впереди находилась охотничье-рыболовная тропа, и он завернул на неё, рассчитывая к вечеру добраться до Ахха – кланового посёлка.

Ярко светило Огнесолнце. Рождающее полной луной плотоядных животных, оно висело над Дождевым Лесом и обнаруживало себя яркими и узкими лучами, прорвавшимися сквозь плотный хаос растительности. Мягкий плодовой кустарник и острая хвост-трава чаще всего встречались в этой прибрежной части леса. Дальше росли разнообразные пальмы, а потом до самого Дикого Леса, в котором Арум был только один раз, шли заросли бурого хвоща. Арум аккуратно, но быстро догонял свою группу, на ходу сбивая с оголённых, не замазанных тиной, участков тела кровососущих насекомых. Некоторые виды из них, охотясь на рептилоантров целыми роями, уже успели несколько раз больно разгрызть кожу на шее и Арум, сделав короткую остановку, замазывал места укусов слюзью красной жабы. Вдруг, впереди послышались голоса клановых охотников, воюющих с какими-то падальщиками и, на ходу вынимая из колчана лук и стрелы, рептилоантр бросился туда.

Зелёные кошки, сбившись в стаю от голода и страха, атаковали охотников с висящих над ловушкой веток коряжистого дерева. Среднего размера рептила, придавленного бревном ловушки и пронзённого его кольями, группа охотников нашла в момент поедания его тремя зелёными кошками. Они уже успели отъесть у рептила хвост, когда первая стрела, выстрелившего вдоль тропы охотника, успела зацепить ухо одной из кошек. Держа наготове копьё, болотные антры осторожно наступали на падальщиц. Кошки, почуяв опасность, рассредоточились и, усевшись по одной на скрытых листьями ветках, не разбегались, окончательно вознамерившись доесть добычу. На полянке четыре рептилоантра, прижавшись друг к другу спинами, кололи периодически прыгающих на них кошек. Зелёными, кошки в действительности не были, а такое название получили за свою особенность жить только на деревьях, среди густой листвы. Их атаки напоминали упругие, оттянутые от кустов, острые ветки, больно и наотмашь бившие рептилоантров и, оставляющие на коже по пять глубоких и тонких царапин. Четырёхпалому удалось ударить одну из прыгающих кошек в спину копьём и теперь она, ослабив общую атаку, скаля клыки, умирала в траве.

– Лучше целься! – крикнул один охотник другому. – Она укусила тебя!

– Могучий Рептил! – перехватив копьё в другую руку, охотник спрятал прокушенный кулак за спину. – Откуда в них столько ярости?

– Голод! – отвечал Четырёхпалый, разыскивая копьём следующую кошку среди листьев.

Когда Арум добежал до поляны уже две кошки оказались заколоты и валялись в траве. Последнюю кошку нашли две, одновременно выпущенные им, стрелы, одна из которых и пробила ей голову.

– Арум! – приветствовали его охотники, – ты чуть не опоздал! А если бы кошек было девять?

– Тогда я пустил бы девять стрел! – горделиво бросил он группе.

Всё, кроме раненного антра, рассмеялись и, сбросив трупы кошек подальше с тропы, принялись обновлять ловушку. Истребление кошек завершилось победой и малой кровью, которая не торопилась свёртываться и продолжала вытекать из кисти. Укусы зелёных кошек были не опасны, но болезненны и неприятны. После кошек рептил в пищу не годился, и его также выбросили. Пошли дальше по тропе к следующей ловушке тоже оказавшейся сработавшей. В ней бился ещё живой рептил и его, добив, извлекли. Рядом с уловистой тропой протекала Чёрная Река, связывая между собой Ахх и Коарум. В Большие Болота приходило тропическое лето.

Тяжёлый охотничий день! Арум с другими рептилоантрами аккуратно двигался по тропе, пока Огнесолнце не обежало их со стороны Дождевого Леса. Это означало завершение световой части дня и приближение к Ахху. И вскоре группа, не встретив более никаких опасностей и, проверив все установленные ловушки, вышла на знакомый заболоченный участок леса – пойму Чёрной Реки. Впереди, на высоких сваях над водой уже виднелись хижины Ахха и костёр Трясинного Рептила. Из всех ловушек, установленных три дня назад, рептилоантры извлекли три туши, годные к употреблению в пищу. Сделав по пути остановку и дождавшись подхода лодки Аккрума, охотники поменялись с рептилами местами: туши уложили в лодку, а три охотника, ранее плывущих на ней, пошли пешком. Аккрум на лодке грёб прямо в Ахх, а остальные охотники на опушке Дождевого Леса стали забираться на узкий, перевязанный лианами мост, сооружённый над водой на высоте роста одного антра. Мост, связывающий поляну Дождевого Леса и посёлок клана, строился каждый раз после большой воды и выдерживал значительный вес. Среди семерых охотников, идущих по поперечным жёрдям моста, Арум отсутствовал. Вождь отправил его за нектаром и он растворился в лесу.

Рядом с опушкой шла обводная тропа. Широкой дугой она огибала затопленный участок леса. По ней и направился Арум за сладким нектаром. Из оружия он имел копье и пару-тройку стрел, которые, не считая дубинки и ножа, могли ему и не понадобиться. На шее у него, как впрочем, и у любого другого охотника, висело ожерелье с зубами разных добытых им животных, среди которых, между крупных зубов рептила, были кошачьи, рыбы и лумьи. Он шёл за нектаром чёрных пчёл и улыбался.

Когда обводная тропинка упёрлась в брод через Чёрную Реку, Арум остановился. Узкий по пояс брод связывал между собой два леса края Больших Болот: Дождевой и Лианный. Место имело своеобразный пограничный статус – по ту сторону реки болотные охотники не жили. Иногда преследование добычи или охотничий рейд заводили их временно в другие леса, но это являлось скорее исключением. Арум знал, что за бродом, который он уже переходил по пояс в воде, начнётся Лианный Лес, столь излюбленный лумами в последнее время. Течение воды через брод было не сильное, вода казалась светлее, чем у Коарума, и сквозь её слой виднелись, сидящие на дне, мальки зубаток. Аруму нравилось ловить зубаток на кусок мяса, но их сезонный лов открывался только осенью. Над бродом, с одного и другого берега, нависали корневые кусты, к ногам уже начинали прилипать пиявки, а в воздухе висели тучи кровососущего гнуса, но Арум, держа над водой оружие, уверенно преодолевал водную преграду. На другой берег он выбрался уже с полностью смытой гряземаскировкой тела. Охотник из Коарума сообщил ему, что пчёлы живут между Рыбным Озером и бродом и рептилоантр сразу направился туда. До озера путь относительно близкий, но искать улей предстояло на высоте. Задрав глаза вверх и идя по колено в воде, Арум вглядывался на ветви, растущих между кочками, деревьев. Где-то на высоте кроны он ожидал увидеть подвешенный как плод улей. Пройдя ещё около сотни шагов, охотник увидел вдали между стволов, блестящую гладь Рыбного Озера. Пчёлы жили где-то рядом, но их тяжёлый, подвешенный плод нигде не просматривался, и тогда Арум

пошёл на хитрость. Он сорвал с ближайшего дерева несколько пучков растущих на нём цветов и, соединив их вместе, закрепил на кончике копья. Затем он воткнул копьё в мягкую почву и, отойдя от копья на несколько шагов, принялся наблюдать.

В воздухе летало огромное количество насекомых, некоторых из них, осмелившихся сесть ему на кожу, Арум поедал с аппетитом, раскусывая клыками хрустящие панцири. Через некоторое время он заметил трёх маленьких чёрных пчёл, севших на кончик его копья. Пчёлы прилетели слева и, пробыв некоторое время внутри цветков, вылетели из них с жёлтыми шариками на ножках. Схватив копьё и покинув, таким образом, засаду, Арум побежал за пчёлами, и вскоре они вывели его к толстому смолистому дереву. Очевидно, улей располагался в полом стволе, и теперь до него уже можно было добраться. Охотник вынул костяной нож и поставил им на сухом стволе дерева два перекрещенных пореза – крест Огнесолнца, знак всех болотных антров.

Теперь предстояло добраться до нектара. Взяв нож в зубы, Арум обнял дерево и полез по нему вверх. Дупло располагалось на небольшой высоте, вокруг жужжали маленькие пчёлы, несколько из них уже укусили Арума за руки. Укусы небольшие – челюсти у пушистых чёрных пчёл были маленькие. Дерево оказалось с нескольким стволом, сучковатое, и охотник, быстро добравшись до узкого отверстия в дупло, вонзил нож в кору чуть выше него. Расковыряв кору, Арум просунул руку внутрь и стал быстро вынимать оттуда мягкие восковые яйца с нектаром внутри. Держась левой рукой за дерево, Арум сбрасывал восковые комочки вниз, на большую кочку мха. Озверевшие пчёлы всё более густой тучей роились над ним, и наконец, получивший несколько десятков укусов, охотник спрыгнул с дерева. Собрав все комочки в толстую полую трубку хвоща, срезанную тут же и закупорив её, Арум уже собирался покинуть место нектаросбора, как вдруг увидел чуть поодаль, почти у самого берега Рыбьего Озера, нечто любопытное.

Над болотистой почвой берега на большой высоте меж четырёх, рядом растущих деревьев, была закреплена небольшая хижина. Болотные охотники построить такое точно не могли. Подойдя ближе, Арум заметил, что у сплетённой из хвост-травы и обмазанной глиной хижины, отсутствовал вход. На Огнесолнце глина давно высохла, и вся хижина снизу казалась большим хрупким гнездом. Не понимая назначения странной хижины, рептилоантр заметил, что рядом с ней растёт много плодовых кустов. Светлая часть дня ещё не закончилась, Ахх находился рядом, и Аруму стало любопытно. «Кому понадобилось строить странную хижину так высоко? – недоумевал он. – На охотничью засаду не похоже – нет лаза внутрь...» Походив под хижинкой ещё некоторое время и сообразив, что лумы такое тоже построить не могли, Арум сделал предположение о том, что это всё-таки гнездо муараны – лесного дракона. Перья муараны, сами по себе очень красивые, в случае добычи, можно обменять в Коаруме на оружие или подарить беременной сестре, ожидающей его в Аххе уже три круга Огнесолнца. Цель летала высоко, но, не ожидающий нападения, лесной дракон мог стать жертвой меткого копья, и рептилоантр, спрятавшись среди плодовых кустов, занял выжидательную позицию.

Шло время, но муарана не прилетал. Обычно лесные драконы ночевали в своих гнёздах, но день уже завершался, а вместе с ним и надежда добыть красивые перья. Срывая с растущих рядом кустов сочные плоды, охотник утолял, уже давно мучивший его, голод. Плоды этого вида кустов в начале лета ещё не созрели, и Арум, достав пчелиное яйцо из полой трубки, выдавил его содержимое прямо себе в рот. Резкий и кислый вкус ещё не совсем сладкого пчелиного нектара заставил охотника зажмурить глаза. Пчёлы собрали в восковое яйцо немного нектара, но он оказался на редкость крепким, сильно отличаясь от своего обычного вкуса. Арум знал, что нектар следует пить только всем вместе у костра – так безопаснее, но сейчас ему захотелось ещё. Выдавлив и выпив ещё два яйца с туманным нектаром, Арум заметно опьянел. Ему показалось, что сейчас в гнездо прилетит не один, а целых два муарана и он поразит стрелами их всех. Нектар, снимающий у раненых боль и вызывающий у болотных шаманов видения,

активно всасывался в кровь охотника, насильно заставляя его терять бдительность и ослаблять внимание.

Где-то недалеко раздался треск падающего гнилого дерева, летали панцирные жуки и мелкие птицы, но охотника мелкие детали уже не интересовали, вложив в тетиву сразу три стрелы, он уже видел десятки лесных драконов, летающих вокруг и садящихся на деревья. Руки немели, лес плыл в глазах, отуманенного нектаром, охотника. Уже понимая, что нектар оказался отравленным и не подходящим в обычную пищу, Арум всё-таки не мог сбросить со своих глаз, порождённые им яркие ложные видения, они захватили его разум. То, что сам по себе такой нектар был не смертелен, Арум знал. Сейчас на него падали густые хлопья из пуха муараны, шёл дождь из перьев. Вот над гнездом пролетела ещё одна стая лесных драконов и, выйдя из засады прямо в лужу, рептилоантр выпустил по ней сразу три стрелы. Ни одна из них не попала в цель, а лесные драконы продолжали кружить над своим гнездом. Тогда Арум снял с плеча своё, украшенное крестообразными насечками Огнесолнца, копьё и метнул его в самого крупного муарана. Копьё пролетело сквозь лесного дракона и, пробив хрупкую стенку, вонзилось в обмазанную глиной хижину. Потеря копьё огорчила охотника, и по одному из деревьев, на котором держалась хижина-гнездо, он полез наверх с целью возвратить оружие из гнезда огромного лесного дракона. Дождь из перьев становился всё слабее, когда охотник карабкался по стволу вверх, помогая себе ногами отталкиваться от скользкого ствола. Муараны тоже куда-то разлетелись, вместо них на охотника смотрели тысячи пчелиных глаз, но вот уже поднявшись до хижины, Арум зацепился за ветку и, подтянувшись, заметил, что дно у хижины плоское и состоит из стеблей хвост-травы, плотно сплетённых между собой. Ухватившись за ещё одну соседнюю ветку, охотник выдернул копьё из стены странной хижины, бросил его на землю и заглянул в образованную дыру в стене хижины.

Внутри хижины лежал мёртвец. На мягких листьях коры, устланной на полу хижины, среди фигурок из красной глины. Длинноволосый с белой кожей и узким черепом, мертвец имел на теле рану от брошенного копьё, но, казалось очевидным, что умер он уже достаточно давно. Арум медленно и спускался с дерева в крайнем удивлении от превращения муараны в антра-мертвеца. Внизу он понял, что сброшенное сверху копьё он потерял. Становилось темно, а это грозило опасностями. Необходимо возвращаться в Ахх и, решив, что завтра он вернётся сюда на поиски загадочно пропавшего копьё, рептилоантр поднял с земли свои вещи: трубку хвоста с пчелиными яйцами, колчан и нож. Терпкий туман-нектар уже окончательно покидал разум Арума, когда он, быстро пройдя брод, вернулся на тропинку, ведущую к навесному мосту в Ахх.

3

Пробравшись сквозь густые кусты, нависшие над зелёным берегом Рыбного Озера, два длинноволосых рыбака подошли к воде. От пояса и до колен их белокожие тела облегали куски хорошо выделанной мягкой кожи. В руках антры держали верёвки и остроги, с помощью которых они собирались добывать рыбу в мутных речных омутах. Рыба водилась всякая, её плавало много, но особенно ценились как добыча крупные и жирные, лишённые чешуи, донные сомы.

Горцы-рыбаки находились в зрелом возрасте, и уже много лунных лет ходили на это озеро бить рыбу. Раньше они подходили к берегу с холодной стороны Мира, спускались к нему с гор, но последние лунные циклы главным берегом для них стал берег Зарева – тот, над которым всходило Огнесолнце. Здесь берег был более пологий, лесистый с большим количеством плодовых деревьев и обилием насекомых. И при необходимости здесь можно было собрать сочных плодов, запастись нектаром. Вытащив из ближайших тростниковых зарослей лёгкий, перевязанный лианами, тростниковый плот, рыбаки спустили его на воду. Два шеста, ранее закреплённые на плоту, втащили и пустили в ход. Поочерёдно отталкиваясь ими от каменистого дна, горцы вывели плот из шуршащей надводной травы и папоротников на широкую гладь, и поплыли вдоль берега к озёрным омутам, в сторону брода через, вытекающую из озера Чёрную Реку.

Одного из рыбаков звали Арким, авторого – Акес, они находились в кровном родстве и среди водопоклонников считались опытными во всем отношении антрами. Жили они в одном из пяти горских родов, большой семьёй из сорока антров. Аркима имел молодую, созревшую для рождений, дочь, а Акес являлся отцом двух сыновей. Всего же на момент карающего падения Красной Молнии и исхода водопоклонников, в их роду было всего шесть антров. Арким и Акес жили в Лианном Лесу, в Водораме. Обосновавшись там пять лунных лет назад, водопоклонникам удалось, исключая первые дни, мирно жить и добывать пищу в крае Больших Болот вместе с болотными охотниками. Естественной границей между горцами и болотными антрами являлась Чёрная Река, но в месте брода эта граница исчезала, и там Лианный Лес плавно переходил в Дождевой.

Умелыми движениями шеста Акес направил плот от мелководья к небольшим водоворотам на зеркальной поверхности Рыбного Озера. Через толстый слой довольно прозрачной воды, среди камней, водорослей и веток на дне виднелась рыба. Она скользила по дну и пряталась в тени, создаваемой плотом. Вдруг Арким резко метнул в воду свою костяную острогу с верёвкой на конце. Острога, пройдя с силой сквозь слой воды, ушла глубоко вниз и вонзилась в сома. Завязнув в жирном теле крупной рыбы, острога нащупала дно и остановилась. Рыба быстро дёрнулась и потащила за собой, впившуюся в спину острогу, не повредившую ей позвоночник. Древко остроги от неожиданного рывка выскользнуло из рук Аркима, и тут добычу спасла, свёрнутая кольцами, верёвка, лежащая на плоту и обмотанная вокруг его левой ноги. Обладая немалой силой, тяжёлый, но раненный сом потащил плот на середину озера. Арким крепко держал в руках, натянувшуюся и уходящую вглубь, верёвку до тех пор, пока она равномерно разматываемая, не закончилась петлёй у ноги. Акес всё это время держал равновесие и, управляя плотом, старался не тормозить шестом плот, чтобы рыба не сорвалась окончательно. Отплывая всё дальше от места своего ранения, сом терял силы и, наконец, остановился где-то под плотом.

– Держи острогу, – крикнул Акес. – Бей точно!

Акес передал Аркиму вторую острогу, а сам тоже обмотал свободный конец верёвки вокруг ноги. В свою очередь Арким, по натянутой вниз веревке, определил предполагаемое место нахождения сома и метнул в то место ещё одну острогу. Также попав в цель, вторая острога окончательно добила сома, и он мог быть вытащен из воды. Расположившись по обе

стороны, чтобы не опрокинуть тростниковый плот, рыбаки осторожно тащили сома из глубины озера, пока не ухватившись за древки острог, не вывалили тяжёлую рыбу на плот и не ударили её ножом.

Сом ещё шевелил жабрами, когда горцы подогнали плот к берегу. Рыба, оттащив плот почти на середину озера, вынудила рыбаков изменить место хранения плота, и они высадились на берег несколько дальше. Сбросив сома на прибрежный мелкий песок, горцы затащили плот в кусты и осмотрелись. Широкие папоротники и хвост-трава, растущие на берегу, окаймляли заросшую опушку леса, начинающегося сразу за ней.

– Смотри, Акес, над нами кружит муарана, – с улыбкой от удачной рыбалки обратился Арким к брату. – Наверное, он тоже хочет есть!

Над затопленной частью Лианного Леса кружил яркий комок перьев лесного дракона. Снизу для Аркима он казался маленькой красно-синей точкой, но все антры Больших Болот знали, что муарана – огромная хищная птица, которая может схватить даже рептила-самца. Муарана кружил над озером, но садиться на землю не собирался.

– Сом он не получит! – уверенно отвечал, разглядывая редкого жителя лесов, другой горец.

– Нужно отнести рыбу в деревню, – распорядился Арким.

С этими словами рыбаки сложили вместе остроги и, продев их через жабры, понесли сома в лес. Проходя по болотистой почве среди затопленных кустов и кочек, горцы-рыбаки заметили отпечатки ног, оставленные Арумом. Аккуратно положив рыбу на землю, длинноволосые горцы, затаили дыхание и достали остроги, чьи наконечники из толстой зазубренной кости, могли стать опасным оружием. Отпечатков ног было много, они располагались хаотично, пришли со стороны нектароносных деревьев, принадлежа одному взрослому антру. Особенно чёткие следы оказались под группой из четырёх деревьев, посмотрев на которые вверх, рыбаки обнаружили свежий могильник своих Окаменевших.

– О, Дух Воды! Это же могильник деда жреца Ата! – раскрыв от страха глаза, Акес смотрел вверх. – Помнишь, как две луны назад Ат повелел рубить для него хвост-траву!

– Помню, Акес!

– Но могильник повреждён! Смотри, сбоку проломлена дыра!

Под могильником на мягкой почве, обнаружили отпечатки ног с большими когтями. Рыбаки знали, что именно такие следы принадлежат наиболее дикому клану болотных охотников – рептилоантрам, живущим сразу за бродом. Между четырёх, образовывавших могильник деревьев, горцы нашли копьё с крестообразными насечками и догадались, что какой-то молодой рептилоантр попытался разрушить могильник.

– Но зачем болотным охотникам тревожить сон Окаменевших? – не понимал Арким.

Ясно было, что разрушившего могильник рептилоантра, здесь нет – он ушёл в сторону брода и бросил копьё на землю.

– Окаменевшие для них как мёртвые рептилы, – отвечал Акес. – Рептилоантры не верят единому Духу и живут внутри своего Нижнего Мира вместе со змеями.

– Так говорит Ат?

– Да. И так говорил его дед.

– О, Дух Воды! Болотный антр потревожил его Окаменение, теперь он не проснётся никогда! – воскликнул Арким.

Горцы подобрали с болотистой кочки копьё Арума и, снова продев остроги через жабры сома, продолжили путь в деревню. Словно понимая печаль рыбаков по поводу души, утратившей священное Окаменение, поднялся небольшой ветер и, скользя между деревьев, подул в сторону гор.

До единственной деревни горцев-водопоклонников, расположенной в центре Лианного Леса, предстояло пройти немалое расстояние через густые заросли. Иногда на пути рыбаков

попадались годные в пищу живые существа, но они не интересовали их с охотничьей точки зрения – этим промыслом занимались другие группы горцев. Иногда на крупных деревьях встречались, смотрящие на рыбаков лумы, но горцев они также не интересовали. Лумы, как пророчил жрец горцев Ат, обладая, антропской фигурой и четырьмя пятипальными конечностями, через много лун должны стать на задние лапы и начать пользоваться небесным огнём. В Лианном Лесу их жило много, и некоторые затаскивали к себе наверх, в свои гнёзда, осколки камней и острые палки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.